

НОВАЯ
20
ВОСКРЕСЕНЬЕ
1938 год
№ 64 (771)
Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

НОВЫЙ ПОДЪЕМ ИДЕЙНОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ

Выход в свет курса истории ВКП(б), второй англоязычной основной книги в области марксизма-ленинизма, так же, как и «Постановление Центрального комитета партии о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», привели к себе внимание самых широких кругов советского народа и в первую очередь интеллигенции.

Это совершенно естественно, ибо желание сталинской эпохи — История ВКП(б) и те глубокие изменения, которые произойдут в постановке партийной пропаганды, означают новый, серьезный подъем всей идейной жизни страны.

Наша партия всегда отличалась от всех других партий в мире тем, что она имела единственно правильную, единственно научную теорию — марксизм-ленинизм. Рабочий класс СССР выработал свою теорию. Вся практика освободительной борьбы пролетариата неразрывно связана с теорией, а теория вытекает из практики. Именно поэтому он сумел победить всех своих врагов и построить социализм.

Но тем дальше идет развитие социалистического общества, тем ближе мы подходим во второй фазе — коммунизму, тем сложнее становится условия нашей борьбы. Чтобы суметь противостоять капиталистическому окружению, необходимо вооружиться знанием законов развития человеческого общества; нужно знать опыт прошлого и видеть перспективы дальнейшего развития этого общества.

На февральско-мартовском пленуме ЦК товарищ Сталин поставил перед всеми партийными и непартийными большевиками важнейшую задачу — овладеть большевизмом. История ВКП(б) дает для осуществления этой задачи сильнейшее оружие.

Написанная при непосредственном участии товарища Сталина, она излагает и обобщает огромный опыт коммунистической партии. История ВКП(б) будет изучаться не только трудящимися нашей страны, но и всем передовым человечеством мира, стремящимся найти выход из того тупика, в который завели науку буржуазии и фашистские мракобесы.

Совсем недавно мы опубликовали в нашей газете статью видного американского гуманиста Поль де Крюя, в которой писатель рассказывает о том, как он узнал правду о Советском Союзе. Поль де Крюй признается, что еще четыре года назад он плохо разбирался в том, что делается в СССР, так как буржуазные газеты заполняются подлой клеветой по адресу Советского Союза. Потом статьи честных американских журналистов заставили его заинтересоваться страной. Он стал читать труды Ленина. Они открыли глазу Поль де Крюй, и американский писатель поверил в возможность существования страны, сбросившей эксплуататоров и своими силами строящей свое счастье.

Пример Поль де Крюй чрезвычайно типичен. В факте нашего существования черпают все честные люди за рубежом силы, чтобы устоять против бешущих мутных волн фашизма. Какое новое подкрепление получили они в форме замечательного документа, которым является «Краткий курс истории ВКП(б)»! Какую же могучую силу дает это оружие нам, людям, непосредственно строящим социализм!

Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» кладет предел кулацким и неорганизованным в деле пропаганды и поднимает на огромную высоту значение подготовленного и квалифицированного пропагандиста. Для нас, литераторов, оно имеет необычайное значение. Речь идет о воспитании миллионов кадров на идеях марксизма-ленинизма. Советская литература справедливо считается передовой литературой в мире, ибо она провозгласила передовыми идеями века, идеями Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Советская литература — пропагандист идей коммунизма. Но для того, чтобы оказаться на высоте тех требований, какие предъявляются к писателю, ему самому нужно вооружиться знанием марксизма-ленинизма. Без знания коммунистической теории писатель слеп. Без знания этой теории он превращается в эмпирика, наблюдающего жизнь, но не знающего ее законов, не видящего ее глубоких процессов, не видящего, куда же идет развитие этой жизни.

К сожалению, многие писатели этого не понимали. Им казалось, что они сумеют правильно отобразить жизнь, ориентирясь только своим чутьем, доверяя одному своему «чутку». Нет нужды доказывать ошибочность таких взглядов. На практике это приводило к тому, что их произведения умирали раньше, чем книга приходила к читателю, ибо советский читатель опережал писателя в своем знании жизни. И писатель не понимал, в чем причина его неудачи.

Писатель-пропагандист, писатель-просветитель поставлен силой своего таланта на такую вышку, с которой ему виднее дальше, чем рядовому читателю. С этой вышки он призван зорко наблюдать за всем, что делается вокруг, и правильно обобщать виденное.

ЦК ВКП(б) в своем постановлении отмечает: «... серьезное отставание работников теоретического фронта, проявляющееся в их теоретической слабости, в их боязни смело ставить актуальные теоретические вопросы, в распространении нечеткости и буквализма, в вульгаризации и опущении отдельных положений марксизма-ленинизма, в отставании теоретической мысли, в недостатке теоретического обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства».

Все это совершенно справедливо может быть отнесено к писателям, к историкам литературы, к литературоведам. От полдюжины мастеров художественного слова читатель ждет таких глубоких обобщений, которые помогли бы ему самому осмыслить широкую картину происходящих перемен во всех частях земного шара. Эти перемены вызваны тем, что двадцать один год существует государство рабочих и крестьян; тем, что марксизм-ленинская наука движется вперед, что она совершенствуется, что она «не боится заменять отдельные устаревшие положения и выводы новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям». А такое развитие науки вымало, разумеется, и на практические проблемы руководства государством, на формирование новых общественных отношений в стране.

Но, чтобы суметь в художественных образах обобщить этот новый опыт советского народа, нужно быть на высоте марксизма-ленинских идей.

Писатели, партийные и непартийные интеллигенты должны быть воспитаны в духе марксизма-ленинизма. Без этого они не могут быть настоящими писателями. Это очевидная истина. Интеллигенция нашей страны вышла из недр рабочего класса и крестьянства; она живет едиными с ними интересами. Советская интеллигенция, вместе с рабочими и колхозниками, строит социалистическое общество. Поэтому для интеллигентам, как и людям второго сорта, такое отношение к интеллигенции только науку врагам, которые, пользуясь заброшенностью политической работы среди интеллигенции, сумели часть наших кадров, лишивших идейных закалки и оказавшихся вне политической влияния партии, запустить в свои грязные сети.

Отсюда первоочередная задача всей партии — воспитать советскую интеллигенцию в марксизм-ленинском духе, помочь ей ликвидировать свою теоретическую и политическую отсталость, овладеть большевизмом.

Изучение марксизм-ленинской науки и, в частности, такого замечательного документа, каким является История ВКП(б), открывает советской интеллигенции грандиозные горизонты. Широкий демократический строй нашей страны дает такие возможности для творчества, каких не знал никогда ни один писатель.

Общие условия, в которых находится советский писатель и которые способствуют его творческому росту, состоят в большевистской критике и самокритике. В постановлении ЦК ВКП(б) говорится о необходимости живого обсуждения и товарищеских дискуссий по теоретическим вопросам. Это принесет большую пользу и советским литераторам. Критика и самокритика, создание подлинной творческой атмосферы укрепят нашу литературу. Мы помним слова товарища Сталина, сказанные им на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б):

«...говорят, что открытое признание наших ошибок может привести не к обучению и укреплению наших кадров, а к их ослаблению и расстройству, что мы должны шадить и беречь свои кадры, что мы должны пасть их самолюбие и спокойствие. Для этого они предлагают замазывать ошибки наших товарищей, ослабить силу критики, а еще лучше — пройтись мимо этих ошибок. Такая установка является не только в корне неправильной, но и в высшей степени опасной, опасной прежде всего для кадров, которые хотят «шадить» и «беречь». Шадить и сохранять кадры при помощи замазывания их ошибок, — это значит наверняка получить эти самые кадры».

Творчество советского писателя свободно в подлинном смысле этого слова. Писатель служит своими произведениями народу. Народ — самый лучший и самый строгий критик. Вооруженный передовой наукой — марксизмом-ленинизмом, — советский писатель сумеет достигнуть вершин художественного творчества и выполнить задачи, возложенные на него народом.

Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) исходил из задачи преподавать учение марксизма-ленинизма на основе исторических фактов. ЦК ВКП(б) имел в виду, что такое изложение марксизм-ленинской теории наиболее отвечает интересам дела, так как на исторических фактах лучше, естественнее и понятнее демонстрировать основные идеи марксизма-ленинизма, так как сама история ВКП(б) есть марксизм-ленинизм в действии, так как правильность и жизнеспособность марксизм-ленинской теории проведены практикой, на опыте классовой борьбы пролетариата, и сама марксизм-ленинская теория развивалась и обогащалась в теснейшей связи с практикой, на основе обобщения практического опыта революционной борьбы пролетариата.

4) Создала «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу осветить марксизм-ленинскую литературу от упрощенчества и вульгаризации в толковании ряда вопросов теории марксизма-ленинизма и истории партии.

Такого рода вульгаризация и упрощенчество нашли выражение, например, в распространенных до последнего времени, явно антимарксистских и давно осужденных партий, взглядах о роли личности в истории, когда вопрос о роли личности в истории излагался некоторыми лже-теоретиками и пропагандистами с полу-асеровских позиций.

В такого рода вульгаризаторству и упрощенчеству марксизма-ленинизма относятся неправильное толкование вопроса о победе социализма в нашей стране. Широкое распространение приобрели извращения марксизм-ленинских взглядов по вопросу о характере войны в современную эпоху, непонимание различия между войнами справедливыми и несправедливыми, неправильный взгляд на большевиков, как на своего рода «шпифистов».

В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму осматривала их с точки зрения сегоднешнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю.

Антиисторическая фальсификация действительной истории, антиисторические попытки приурочить историю, вместо правильного ее изложения, приводили, например, к тому, что в нашей пропаганде история партии изображалась иногда, как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров.

Антимарксистская вульгаризаторская путаница сводилась также в распространении неправильных взглядов на советское государство, в приращении роли и значения социалистического государства, как главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения.

О постановке партийной пропаганды В СВЯЗИ С ВЫПУСКОМ «Краткого курса истории ВКП(б)».

Постановление ЦК ВКП(б).

I.

Выход в свет «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии. С появлением «Краткого курса истории ВКП(б)», партия получила новое могучее идейное оружие большевизма, англоязычную основную книгу в области марксизма-ленинизма. Курс истории партии — научная история большевизма. В ней изложен и обобщен гигантский опыт коммунистической партии, равного которому не имеет ни одна партия в мире.

«Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является важнейшим средством в деле решения задачи овладения большевизмом, вооружения членов партии марксизм-ленинской теорией, т. е. знанием законов общественного развития и политической борьбы, средством повышения политической бдительности партийных и непартийных большевиков, средством поднятия дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту.

Создавая «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», ЦК ВКП(б) исходил из следующих задач:

1) Необходимо было дать партии единое руководство по истории партии, руководству, представляющему официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизм-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований. Изданием «Курса истории ВКП(б)», одобренного ЦК ВКП(б), кладется конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обильно различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии, которые имели место в ряде ранее изданных учебников по истории партии.

2) Создала «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей ликвидировать вредный разрыв в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом, который образовался за последние годы и который привел к тому, что ленинизм стали преподавать как самостоятельное учение в отрыве от марксизма, в отрыве от диалектического и исторического материализма, в отрыве от истории партии, забывая, что ленинизм вырос и развился на основе марксизма, что марксизм есть основа ленинизма, что, не зная этой основы ленинизма, нельзя понять ленинизм.

Создавая «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей дать такое руководство по теории и истории ВКП(б), в котором были бы воссоединены в одно целое искусственно расщепленные составные части единого марксизм-ленинского учения — диалектический и исторический материализм и ленинизм, а исторический материализм был бы связан с политической партией, — руководство, в котором было бы показано неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма, и изложено то новое, что внесено Лениным и его учениками в марксизм-ленинскую теорию на основе обобщения нового опыта классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций.

3) В противоположность некоторым старым учебникам, излагающим историю ВКП(б) прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях, «Краткий курс» излагает историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма и имеет в виду воспитание партийных кадров, в первую очередь, и идейных марксизм-ленинцев.

Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) исходил из задачи преподавать учение марксизма-ленинизма на основе исторических фактов. ЦК ВКП(б) имел в виду, что такое изложение марксизм-ленинской теории наиболее отвечает интересам дела, так как на исторических фактах лучше, естественнее и понятнее демонстрировать основные идеи марксизма-ленинизма, так как сама история ВКП(б) есть марксизм-ленинизм в действии, так как правильность и жизнеспособность марксизм-ленинской теории проведены практикой, на опыте классовой борьбы пролетариата, и сама марксизм-ленинская теория развивалась и обогащалась в теснейшей связи с практикой, на основе обобщения практического опыта революционной борьбы пролетариата.

4) Создала «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу осветить марксизм-ленинскую литературу от упрощенчества и вульгаризации в толковании ряда вопросов теории марксизма-ленинизма и истории партии.

Такого рода вульгаризация и упрощенчество нашли выражение, например, в распространенных до последнего времени, явно антимарксистских и давно осужденных партий, взглядах о роли личности в истории, когда вопрос о роли личности в истории излагался некоторыми лже-теоретиками и пропагандистами с полу-асеровских позиций.

В такого рода вульгаризаторству и упрощенчеству марксизма-ленинизма относятся неправильное толкование вопроса о победе социализма в нашей стране. Широкое распространение приобрели извращения марксизм-ленинских взглядов по вопросу о характере войны в современную эпоху, непонимание различия между войнами справедливыми и несправедливыми, неправильный взгляд на большевиков, как на своего рода «шпифистов».

В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму осматривала их с точки зрения сегоднешнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю.

Антиисторическая фальсификация действительной истории, антиисторические попытки приурочить историю, вместо правильного ее изложения, приводили, например, к тому, что в нашей пропаганде история партии изображалась иногда, как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров.

Антимарксистская вульгаризаторская путаница сводилась также в распространении неправильных взглядов на советское государство, в приращении роли и значения социалистического государства, как главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения.

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет конец этой и тому подобной вульгаризации и опущению марксизма-ленинизма, восстанавливая установившийся марксизм-ленинизм.

5) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей наглядно продемонстрировать силу и значение марксизм-ленинской теории, науку расширяющей законы развития общества, — теорию, которая учит применять эти законы для руководства революционной деятельностью пролетариата, — теорию, которая, как и всякая наука, непрерывно развивается и совершенствуется и которая не боится заменять отдельные устаревшие положения и выводы новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что без знания теории марксизма-ленинизма, без овладения большевизмом, без преодоления своей теоретической отсталости, наши кадры будут хромать на обе ноги, ибо задача правильного руководства всеми отраслями социалистического строительства требует овладения со стороны практиков основами марксизм-ленинской теории, требует умения руководствоваться теорией при разрешении вопросов практической деятельности.

Обильные кадры привело, далее, к тому, что кадры пропагандистов оказались переполненными малоподготовленными теоретически, а зачастую политически неграмотными и непроверенными людьми, которые не только не могут помочь членам партии и беспартийным овладеть большевизмом, но способны лишь подменить изложение марксизм-ленинской теории вредным упрощенчеством и запустить своих слушателей.

В погоне за количеством пропагандистов партийные организации выпустили из

ленинской теорией — дело кажливое. Именно теперь, при Советской власти и победе социализма в СССР, созданы неограниченные возможности для того, чтобы наши руководящие кадры успешно овладели марксизм-ленинской теорией, изучили историю партии, труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Для того, чтобы овладеть теорией марксизма-ленинизма, надо лишь проявить желание, настойчивость и твердость характера в достижении этой цели. Если можно успешно овладеть такими науками, как, например, физика, химия, биология, то тем более нет оснований сомневаться, что можно полностью овладеть наукой марксизма-ленинизма.

6) Создала «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу помочь кадрам, ведущим теоретическую и пропагандистскую работу, перестроиться, улучшить качество работы, начать ликвидировать свою теоретическую отсталость, устранить недостатки и пробелы в своей идеологической подготовке и поднять пропагандистскую работу на должную высоту.

Все эти задачи, поставленные ЦК ВКП(б), нашли свое разрешение в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Каковы основные недостатки пропагандистской работы? В каком направлении необходимо перестроить пропагандистскую и теоретическую работу партии? 1) Основным недостатком постановки партийной пропаганды является отсутствие необходимой централизации руководства партийной пропагандой и вытекающие отсюда кулацкая, неорганизованность в деле пропаганды.

Кустарничество и неорганизованность в области партийной пропаганды выразились прежде всего в том, что партийные организации основной формой пропаганды избрали устную пропаганду через кружки, забывая, что кружковой метод пропаганды был свойственен преимущественно негосударственному периоду партии, в силу условий работы партии в то время, и что в условиях Советской власти и при наличии в руках большевистской партии такого мощного орудия пропаганды, как печать, созданы совершенно новые условия и возможности для неограниченного размаха пропаганды и для централизованного руководства ею.

Вместо того, чтобы использовать эти возможности, партийные организации продолжают печататься за старые формы пропаганды, не учитывая того, что кружки в нынешних условиях уже не могут являться главным методом обучения наших кадров большевизму, что основным методом обучения кадров марксизму-ленинизму должен являться испытанный на опыте старшего поколения большевиков метод самостоятельного изучения истории и теории большевистской партии, а партия должна прийти на помощь кадрам в этом отношении через печать и централизованную высококвалифицированную консультацию по возникающим у них в процессе изучения вопросам, через лекции, доклады и т. п.

Избрав основным методом пропаганды устную пропаганду через кружки, партийные организации увеличили ошибочной затеей объединить в кружки всех коммунистов, поставив ставку на количественное расширение сети партийных кружков, на погону за огульным «охватом» и при том в обязательном порядке всех без исключения коммунистов партийными кружками.

В погоне за количеством кружков, партийные организации выпустили из рук главное звено — качество пропаганды. Обилие кружков, лишив партийные организации возможности контролировать пропагандистскую работу по существу, привело к тому, что партийные организации выпустили из своих рук руководство пропагандой, свели свою деятельность главным образом к сборанию канцелярских статистических сведений об «охвате» коммунистов учебой в кружках, их численности и посещаемости. В результате кружки превратились в автономные и бесконтрольные организации, ведущие работу на свой риск и страх.

Обилие кружков привело, далее, к тому, что кадры пропагандистов оказались переполненными малоподготовленными теоретически, а зачастую политически неграмотными и непроверенными людьми, которые не только не могут помочь членам партии и беспартийным овладеть большевизмом, но способны лишь подменить изложение марксизм-ленинской теории вредным упрощенчеством и запустить своих слушателей. В погоне за количеством пропагандистов партийные организации выпустили из

своих рук теоретическое руководство подготовкой и переподготовкой пропагандистских кадров и контроль за работой пропагандистов в кружках. Вместо того, чтобы централизовать руководство пропагандистами и обеспечить тем самым подъем качества работы с пропагандистами, партиорганизации и в этом деле ошибочно взяли курс на количество, распылив дело помощи пропагандистским кадрам путем создания большого количества парткабинетов при предприятиях, семинаров пропагандистов, краткосрочных курсов пропагандистов и т. д. Погоня за количеством этих учреждений в ущерб качеству привела к тому, что парткабинеты и семинары пропагандистов оказались лишеными необходимого партийного руководства, а недостаток квалифицированных кадров руководителей пленумов и парткабинетов привел к снижению качества их работы, к неудовлетворенности пропагандистов постановкой дела в них, превращая посещение семинаров и кабинетов в формальную повинность.

Превратив посещение кружков в обязанность для членов партии, рассматривая партийцев как вечных школьников начальных классов, неспособных к самостоятельному изучению марксизма-ленинизма, партиорганизации прибегли в целом ряде административных ухищрений для вовлечения и удержания членов партии в кружках, встав на путь мелочной опеки и регламентации работы коммунистов в кружках.

В работе кружков укоренились неправильные и тормозящие идейно-политический рост членов партии школярские методы, выразившиеся в насильственном «сидении» учебой для всех кружков, единых регламентов их работы, в изгнании из кружков метода беседы и живой товарищеской дискуссии.

Не ограничиваясь этим, партиорганизации задались бюрократической и вредной затеей «контролировать» каждого читающего марксизм-ленинскую книгу и заставлять отчитываться в прочитанном.

В результате этих неправильных установок в пропагандистской работе, у коммунистов, обязанных в течение ряда лет заниматься в одних и тех же кружках и лишиться надлежащей помощи в изучении марксизм-ленинской литературы у себя дома, теряется интерес к теоретической подготовке, а посещение занятий кружков зачастую превращается в тагистую обузу.

Нарушение принципа добровольности при вступлении в кружки, бюрократически-административная практика механического, принудительного зачисления членов партии в кружки, неправильный взгляд на кружки как на единственную форму партийного просвещения, подорвали у партийцев веру в то, что они могут успешно изучать марксизм-ленинизм путем самостоятельного чтения. Тем самым нанесен ущерб делу глубокого, самостоятельного усвоения коммунистами основ марксизма-ленинизма, идейному росту партийных кадров.

Необходимо восстановить коммунистам веру в свои силы и способности к овладению марксизм-ленинской теорией. Необходимо разбить вредный предрассудок, будто учиться марксизму-ленинизму можно только в кружке, тогда как в действительности главным и основным способом изучения марксизма-ленинизма является самостоятельное чтение.

Обилие кружков привело, далее, к тому, что кадры пропагандистов оказались переполненными малоподготовленными теоретически, а зачастую политически неграмотными и непроверенными людьми, которые не только не могут помочь членам партии и беспартийным овладеть большевизмом, но способны лишь подменить изложение марксизм-ленинской теории вредным упрощенчеством и запустить своих слушателей. В погоне за количеством пропагандистов партийные организации выпустили из

О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)».

Постановление ЦК ВКП (б).

(ОКОНЧАНИЕ)

2) Одной из основных причин непомерного раздувания кружковой работы и устной пропаганды вообще, в ущерб пропаганде через печать, явился вредный разрыв в организации печатной и устной пропаганды, нашедший свое выражение в раздельном существовании отделов пропаганды и отделов печати как в обкомах, крайкомах и ЦК накомпартий, так и в аппарате ЦК ВКП(б).

В пропаганде марксизма-ленинизма главным, решающим оружием должна являться печать — журналы, газеты, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место. Печать дает возможность ту или иную истину сразу сделать достоянием всех, она поэтому является устной пропагандой. Расщепление же руководства пропагандой между двумя отделами привело к принижению роли печати в пропаганде марксизма-ленинизма и, тем самым, к сужению размаха большевистской пропаганды, к кустарничеству и неорганизованности.

Отделы партийной пропаганды и агитации, ограничив свою деятельность устной пропагандой, погнавшись за количеством кружков, не использовали для дела пропаганды партийную печать, и в результате лишили себя возможности руководить пропагандой по существу.

В свою очередь отделы печати, будучи лишены необходимых квалифицированных кадров пропагандистов, которые почти целиком ушли в устную пропаганду, оказались неспособными вести пропаганду марксизма-ленинизма через печать.

3) Важнейшим недостатком в деле партийной пропаганды является пренебрежение со стороны партийных организаций к делу политической подготовки, к делу марксистско-ленинского закалки наших кадров, нашей советской интеллигенции, — кадров партийных, комсомольских, советских, хозяйственных, кооперативных, торговых, профсоюзных, сельскохозяйственных, просвещенческих, военных, то-есть кадров партийного, государственного и колхозного аппарата, при помощи которых управляют рабочий класс и крестьянство Советской страной. Практика нашей партийной пропаганды, сосредоточившись на охвате, главным образом, рабочих от станка, упускала из виду командные кадры — нашу советскую, партийную и непартийную интеллигенцию, состоящую из рабочих и крестьян.

«Краткий курс истории ВКП(б)» ставит одной из своих задач положить конец этому явлению, антиленинскому, пренебрежительному отношению к нашей, советской интеллигенции и к нужам ее политического, ленинского воспитания.

«Краткий курс истории ВКП(б)» обращен, в первую очередь, к руководящим кадрам партийных, комсомольских, хозяйственных и иных работников, во всей нашей партийной и непартийной интеллигенции как в городе, так и в деревне.

Наши партийные, советские, хозяйственные и другие руководящие ленинские кадры, занятые практической работой, сильно отстали в области теории. Создается курс истории партии, ЦК ВКП(б) ставит задачу начать ликвидацию этой теоретической и политической отсталости наших кадров.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что...если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подгото-

вить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач» (Сталин).

ЦК ВКП(б) исходил из того, что иску-

ство большевистского руководства требует знания теории, т. е. законов развития общества, законов развития рабочего движения, развития пролетарской революции, развития социалистического строительства и умения пользоваться этими законами в практической работе по руководству социалистическим строительством.

Все наши кадры составляют огромную армию советской интеллигенции. Советская интеллигенция всеми своими силами связана с рабочим классом и крестьянством. Это совершенно новая интеллигенция, подобной которой нет ни в одной стране мира.

Ни одно государство не могло и не может обойтись без своей интеллигенции, тем более не может обойтись без своей интеллигенции социалистическое государство рабочих и крестьян. Нашу интеллигенцию, выросшую за годы Советской власти, составляют кадры государственного аппарата, при помощи которых рабочий класс ведет свою внутреннюю и внешнюю политику. Это — вчерашние рабочие и крестьяне и сыновья рабочих и крестьян, вышедшие на командные посты. Особое значение имеет интеллигенция в такой стране, как наша, где государство направляет все отрасли хозяйства и культуры, в том числе и сельское хозяйство, и где каждый государственный работник, чтобы сознательно и с успехом выполнять свою работу, должен понимать политику государства, его задачи во вне и внутри страны.

Следовательно, задача марксистско-ленинского воспитания советской интеллигенции является одной из самых первоочередных и важнейших задач партии большевиков.

ЦК ВКП(б) констатирует, что несмотря на столь важную роль интеллигенции в советском государстве, до настоящего времени еще не преодолено пренебрежительное отношение к нашей интеллигенции, представляющее из себя вреднейшее перенесение на нашу советскую интеллигенцию тех взглядов и отношений к интеллигенции, которые были распространены в дореволюционный период, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов.

Это пренебрежительное отношение к интеллигенции находит свое выражение в запущенности идейно-воспитательной работы с кадрами, в забросе политической работы среди интеллигенции, служащих, учителей, врачей, студенчества, колхозной интеллигенции и т. д., в пренебрежительном-высоком отношении к партийному и непартийному интеллигенту, как к человеку второго сорта, хотя бы это был вчерашний стачковец, выдвинутый в силу своих заслуг на руководящий пост советского государства.

Такое антибольшевистское отношение к советской интеллигенции является диким, хулиганским и опасным для советского государства. Необходимо понять, что именно заброшенность политической работы среди интеллигенции, среди наших кадров, привела к тому, что часть наших кадров, оказавшаяся вне политического влияния партии и лишена идейной закалки, политически связнулась, запуталась и стала добычей иностранных разведок и их троцкистско-буржуазной и буржуазно-националистической агентуры.

ЦК ВКП(б) считает, что этому «мажорскому», антиленинскому отношению к интеллигенции необходимо положить конец. Необходимо воспитать советскую интеллигенцию в духе марксизма-ленинизма.

Без такой интеллигенции советское государство не может с успехом руководить страной.

«Краткий курс истории ВКП(б)» является средством такого воспитания советской интеллигенции.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Считать неправильной практику погони за количественным охватом коммунистов кружками сети партпросвещения в ущерб качеству пропаганды, приводящую к дроблению сил и принижению уровня пропагандистской работы.

2. Обязать партийные организации ликвидировать организационное кустарничество в деле партийной пропаганды, установить необходимую централизацию в руководстве ею и перестроить организационно-партийную пропаганду таким образом, чтобы обеспечить подъем ее качества, ее идейного уровня.

3. В основу пропаганды марксизма-ленинизма положить «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)».

Дифференцировать изучение истории ВКП(б) следующим образом:

Для низового звена кадров, в числе которых имеется значительная часть недостаточно подготовленных товарищей, целесообразно изучать курс в сокращенном объеме по трем основным этапам истории

крупного предприятия, в крупном учреждении, примерно, 2—3 кружка для низовых кадров, 2—3 кружка среднего уровня и 1 повышенный кружок для самых развитых и подготовленных людей, а в вузах несколько кружков среднего и повышенного типа.

В сельских районах при наличии желающих изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» в кружках и при наличии квалифицированных пропагандистов можно иметь несколько кружков для сельской интеллигенции: партийного и советского актива, учителей, торгово-кооперативных работников, колхозного актива и т. д.

При сокращении количества кружков необходимо исходить из задачи обеспечить их действительно квалифицированными пропагандистами.

5. Ликвидировать административно-бюрократическую практику принудительного зачисления коммунистов в кружки партийного просвещения.

Разъяснить каждому коммунисту, что участие в кружках является делом исключительно добровольным.

6. Работа кружков должна быть построена на основе живой беседы и товарищеской дискуссии. Из кружков должны быть решительно выгнаны вредные шпаргалочно-административные методы, казенщина и схематизм, тормозящие идейное воспитание партийных и непартийных большевиков. Пропагандисты должны давать товарищеское разъяснение по интересующим членов кружка вопросам.

Необходимо покончить с формально-бюрократической регламентацией работы кружков (ежедневный день партийной учебы, двухчасовые занятия сразу же после работы, отказ от постановки практических вопросов, интересующих участников кружка и т. п.). Расписание занятий каждого кружка должно устанавливаться его участниками вместе с пропагандистом, исходя из местных условий. Каждое занятие должно продолжаться столько, сколько участники кружка сочтут необходимым для основательного обсуждения поставленных вопросов.

Работа кружков должна быть организована так, чтобы не растягивать занятия на слишком долгий период времени. Необходимо избежать одного из вредных недостатков теперешних кружков, когда неограниченное количество времени уделяется первым темам, а последующий период, являющийся важнейшим в истории партии, остается неизученным.

Кружки по изучению истории партии должны формироваться так, чтобы обеспечить более или менее однородный уровень общеобразовательной и политической подготовки их участников. По уровню подготовки целесообразно иметь три типа кружков в соответствии с дифференцированным характером изучения «Краткого курса истории ВКП(б)»:

а) кружки для низового звена наших кадров, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)» в сокращенном объеме и с более доступным изложением вопросов теории;

б) кружки для среднего звена, изучающие полностью «Краткий курс истории ВКП(б)» по отдельным главам;

в) кружки для наиболее подготовленных товарищей, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)» по подразделам каждой главы с одновременным чтением первоисточников.

7. Ввести в практику лекции, являющиеся важным методом пропаганды марксизма-ленинизма. Хорошо подготовленная, содержательная лекция должна явиться серьезной помощью товарищам, самостоятельно изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)» и произведения классиков марксизма-ленинизма. Необходимо также ставить лекции по вопросам международного положения и по отдельным теоретическим и политическим вопросам. Считать целесообразным, чтобы после лекции лектор отвечал на заданные вопросы. Вести в практику организацию открытых лекций с небольшой платой за посещение.

8. Ликвидировать кустаршину и беспконтрольность в работе с пропагандистами, выразившиеся в погоне за оглушительным количеством парткабинетов и семинаров пропагандистов. Обязать парторганизации ликвидировать организационно-партийную отсталость кадров партийной и непартийной интеллигенции, обеспечить всестороннюю помощь советской интеллигенции в овладении большевизмом, в изучении истории ВКП(б) и произведений классиков марксизма-ленинизма.

12. Отметить серьезное отставание работников теоретического фронта, проявившееся в их теоретической слабости, в их боязни смело ставить актуальные теоретические вопросы, в распространении зачетничества и буквоведства, в вульгаризации и оплошности отдельных положений марксизма-ленинизма, в отставании теоретической мысли, в недостатке теоретического обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства. Призвать всех работников теоретического фронта решительно и быстро выправить петеринское отставание теоретического фронта, покончить с боязнью смелой постановки теоретических вопросов, лгавших марксистско-ленинскую теорию вперед, покончить с буквоведством, зачетничеством, схоластикой, вульгаризацией и оплошностью отдельных положений марксистско-ленинского теоретического фронта.

13. Ликвидировать запущенность идеологического хозяйства, которая наша, в частности, свое выражение в неудовлетворительной работе Института Маркса—Энгельса—Ленина, допустившего ряд искажений и неточностей при переводах на рус-

ский язык сочинений Маркса и Энгельса, а также грубейшие политические ошибки предтегубского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам сочинений Ленина.

14. Обязать Институт Маркса—Энгельса—Ленина в кратчайший срок исправить искажения, допущенные в переводах сочинений Маркса—Энгельса на русский язык, а также грубейшие политические ошибки, содержащиеся в приложениях и примечаниях к сочинениям В. И. Ленина, например, в XIII томе.

15. Отметить оторванность наших теоретических журналов от насущных вопросов жизни и борьбы нашей партии, их самозамыкание и тенденция к академизму.

16. В дополнение к системе политической подготовки руководителей партийных кадров, установленной февральским пленумом ЦК ВКП(б), провести следующие мероприятия по подготовке и подготовке квалифицированных пропагандистских кадров партии:

а) Организовать годичные курсы подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

б) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

в) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

г) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

д) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

е) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

ж) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

з) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

и) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

к) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

л) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

м) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

н) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

о) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

п) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

р) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

с) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

т) Организовать в центрах подготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы подготовки пропагандистов, организуемые в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

Общий контингент слушателей всех годичных курсов переподготовки пропагандистов установлен в количестве 1500—2000 человек, с тем, чтобы в этом составе, примерно, половину составляли газетные работники.

б) Организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодичным курсом для подготовки высококвалифицированных теоретических кадров партии.

17. Построить преподавание марксистско-ленинской теории в высших учебных заведениях на основе глубокого изучения «Краткого курса истории ВКП(б)». В связи с этим:

а) Взамен самостоятельных курсов ленинизма, диалектического и исторического материализма, ввести в вузах единый курс «Основы марксизма-ленинизма», сократив в учебном плане общее количество часов, отводившееся ранее на социально-экономические дисциплины. Преподавание основ марксистско-ленинской теории в вузах должно начинаться с изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», с одновременным изучением первоисточников марксизма-ленинизма. Преподавание политической экономики должно проводиться после изучения «Истории ВКП(б)».

б) Вузы ныне существующих отдельных кафедр диалектического и исторического материализма, ленинизма и истории ВКП(б) создать в вузах единую кафедру марксизма-ленинизма.

в) В университетах и институтах, где имеются факультеты философии, исторические, литературные, сохранить на этих факультетах преподавание курса диалектического и исторического материализма.

г) Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Всесоюзному Комитету по делам высшей школы отобрать в начале учебного 1939—40 года руководителей кафедр марксизма-ленинизма и представить их на утверждение ЦК ВКП(б). Предложить ЦК накомпартий, крайкомов, обкомов и горкомов ВКП(б) отобрать теоретически подготовленных и политически проверенных преподавателей основ марксизма-ленинизма.

д) Организовать при Высшей школе марксизма-ленинизма шестимесячные курсы переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма для вузов.

IV.

В целях коренного улучшения партийного руководства пропагандой марксизма-ленинизма, ЦК ВКП(б) постановляет:

18. Обединить отделы партийной пропаганды и агитации и отделы печати и издательства ЦК ВКП(б), ЦК накомпартий, крайкомов и обкомов ВКП(б), создавая единые отделы пропаганды и агитации.

19. Сосредоточить в отделах пропаганды и агитации всю работу по печатной и устной пропаганде марксизма-ленинизма и массовой политической агитации (партийная пресса; издание пропагандистской и агитационной литературы; организация печатной и устной пропаганды марксизма-ленинизма; контроль за идейным содержанием пропагандистской работы; подбор и распределение пропагандистских кадров, политическая переподготовка и подготовка партийных кадров; организация массовой политической агитации).

20. По основе работы отделов пропаганды и агитации положить практическое проведение в жизнь настоящего решения ЦК ВКП(б).

21. Работники отделов пропаганды и агитации должны подбираться парторганами из числа наиболее квалифицированных пропагандистов-профессионалов и партийных литераторов.

22. В составе отделов пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), ЦК накомпартий, обкомов, крайкомов и горкомов ВКП(б) должны быть организованы лекторские группы.

23. В связи с тем, что сокращение количества кружков, а также партийных кабинетов за предприятиями и в учреждениях высвобождает часть пропагандистских работников в городах, предложить обкомам, крайкомам и ЦК накомпартий перевести этих работников для усиления пропагандистской работы в сельские районы.

24. Реорганизовать существующие культурные горкомов и райкомов партии в отдельные пропаганды и агитации. Считать необходимым создание отделов пропаганды и агитации в сельских районах.

25. Ввиду тесной связи работы Института Маркса—Энгельса—Ленина с пропагандой марксизма-ленинизма, считать необходимым передать Институту Маркса—Энгельса—Ленина в ведение Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

26. ЦК ВКП(б) обязывает все партийные комитеты серьезно заботиться пропагандой марксизма-ленинизма — кровным делом большевистской партии. Комитеты партии обязаны руководить делом пропаганды по существу, глубоко вникая в ее содержание. Обкомы, крайкомы и ЦК накомпартий должны взять в свои руки руководство перестройкой всего дела пропаганды по существу, глубоко вникая в ее содержание. Обкомы, крайкомы и ЦК накомпартий должны взять в свои руки руководство перестройкой всего дела пропаганды по существу, глубоко вникая в ее содержание.

27. Указывая всем партийным организациям, что перестройка всего дела партийной пропаганды в духе настоящего решения ЦК потребует от партийных органов особого внимания и заботы, ЦК предупреждает парторганизации об опасности механически-формального подхода к перестройке пропаганды, от каких бы то ни было попыток оглушительного охвата всего прошлого опыта пропагандистской работы.

28. В целях улучшения руководства делом партийной пропаганды установить, что в каждом горкоме, обкоме, крайкоме и ЦК накомпартий должен быть специально секретарь, занимающийся исключительно вопросами организации и содержания пропаганды и агитации.

29. «Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа.

30. Отдавая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непоколебимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина — Сталина весь советский народ к победе коммунизма.

14 ноября 1938 года.

★ ★ ★

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа.

Отдавая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непоколебимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина — Сталина весь советский народ к победе коммунизма.

14 ноября 1938 года.

★ ★ ★

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа.

Отдавая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непоколебимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина — Сталина весь советский народ к победе коммунизма.

14 ноября 1938 года.

★ ★ ★

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа.

Отдавая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непоколебимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина — Сталина весь советский народ к победе коммунизма.

14 ноября 1938 года.

★ ★ ★

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа.

Отдавая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непоколебимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина — Сталина весь советский народ к победе коммунизма.

14 ноября 1938 года.

★ ★ ★

30 лет литературной деятельности Ольги Дмитриевны Форш

Дорогая Ольга Дмитриевна!

В день 30-летия вашей литературной деятельности нам радостно приветствовать вас. Ваше выдающееся дарование дало советской литературе ряд прекрасных книг, высоко оцененных нашим читателем. Знаменательно, что лучшие произведения созданы вами после Октября и дышат идеями социалистического переустройства мира. В годы гражданской войны вы решительно и смело пошли в ряды молодых советских писателей и стали одной из самых жизне-радостных и деятельных зачинателей советской литературы.

Вы проделали большой жизненный и литературный путь — путь нелегкий и почетный. Вехами этого пути являлись ваши лучшие книги. Вы — автор первого советского исторического романа «Одеты камнем», популярного среди миллионов наших читателей. Только что законченная вами трилогия о великом просветителе-революционере Радищеве продолжает вашу ценнейшую работу в области исторического романа так же, как ваши сценарии известных фильмов «Дворец и крепость» и «Пугачев».

Блестящие и оригинальные по форме, написанные великолепным языком, рассказы ваши овеяны духом советского оптимизма. И убойным сарказмом проникнуто в ваших произведениях, особенно в книге вашей «Под куполом», изображение буржуазного мира, буржуазной психики.

Каждый год создавая в разных жанрах — в прозе, в драматургии, в кинематографии — новые ценные произведения, вы даете пример неутомимой деятельности, с признательностью встречаемой широкими кругами советских читателей. Вам, большому мастеру советской литературы, мы от всей души желаем еще долгие лет славы и работы.

МИХ. СЛОНИМСКИЙ, ИЛЬЯ ГРУЗДЕВ, БОРИС ЛАВРЕНЕВ, ЮР. ТЫНЯНОВ, Н. ТИХОНОВ, А. ПРОКОФЬЕВ, М. ФОРМАН, МИХ. ЗОЩЕНКО, НИК. БРЫКИН, ЕВГ. ФЕДОРОВ, А. СЕЛИФОНОВ, В. КАВЕРИН, Е. ШВАРЦ, А. ФАДЕЕВ, К. ФЕДИН, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ, Н. НИКИТИН, В. ШИШОВ, Н. ЧУКОВСКИЙ, С. СЕМЕНОВ, Л. РАКОВСКИЙ.

Творческая молодость

Мы все знаем, что юбилейная дата есть условная вещь, что если мы ценим и любим большого писателя, то мы ценим и любим его независимо от того или иного условного дня.

Но в такие дни, отмечая удачу и историческое значение всего жизненного дела нашего современника, выдающегося деятеля нашей общей работы, мы острее чувствуем то, что подчас в повседневном быту и работе притупляется. И эти дни дают нам случай открыто сказать ему о наших чувствах, о нашей признательности за творческое общение с ним.

Это действительный праздник не одного только лица, а всего коллектива, и это в полной мере относится к такому замечательному человеку — Ольге Дмитриевне.

Если верно изречение — каждому столько лет, сколько он чувствует, — то больше всего это относится к Ольге Дмитриевне Форш. В свои шестьдесят пять лет она действительно и по-настоящему молода. Ее великолепная энергия, обильные творческие замыслы, готовность поступить любым житейским удобством ради осуществления их — все это как бы стирает внешние знаки времени.

И если спросить, какая основная черта Ольги Дмитриевны как человека, я бы сказал, что такое основное чертой ее является органическое свободолюбие, оставившее след на всей ее жизни.

Выросши в условиях старого общества, выйдя из среды, наиболее опутанной казосудом предрассудками, она решительно рвет эту сеть и выходит на трудную дорогу писателя. А пролив уже долгие годы, она молодая и широкой душой встречает благодатную гору революции, разрушающую во всей стране те пути, с которыми она упорно и мучительно боролась в своей жизни.

И это замечательное явление, что уже сложившемуся в дореволюционном обществе писателю революция дала такие силы, которые в ее возрасте создали ее молодой, «начинающей», как она говорила, писательницей, развернули огромный круг ее литературной работы и поставили ее имя в ряды крупнейших революционных художников слова.

Эти силы подняли и основную тему ее замечательных исторических романов, тему борьбы интелликта в гнетущих условиях старого классового общества, тему борьбы социально-творческой личности — подчас в ужасающем одиночестве — с Левиафаном старого мира.

Пытливый Бейтман, брошенный вывоз социальному гнету империя Александра II (роман «Одеты камнем»), генеральный художник Александр Иванов, гибнущий жертвой сапожного мещанства (роман «Современники»), великий Радищев, залыцающийся в тисках феодально-крестьянской империи (роман «Радищев»), — этими картинами, этим пафосом борьбы за освобождение творческого, сознательного человека она стала близка миллионам советских читателей, и в этом смысле мы имеем все основания назвать Ольгу Дмитриевну Форш народной писательницей.

Связана она с глубокими народными истоками и своим юмором, который так великолепен в ее бытовых рассказах.

Мысль о глубокой внутренней связи творчества Форш с народными истоками возникает у меня и тогда, когда я вижу Ольгу Дмитриевну около земли. Близость к природе и земле, к этой обыкновенной черной земле, вечно творящей чудеса цветов и злаков, абсолютно необходима ей, и кажется порой, что и отсюда черпает она все новые силы для своей работы.

И не народным ли свойством является ее молодой, могучий, неиссякаемый оптимизм, вера в непреходящие созидательные силы человека-трудящегося и человека-творца?

Ольга Дмитриевна Форш народность, педантизм и душевно-щедрый человек. И правду теперь 30-летие ее литературной деятельности, мы с радостью празднуем и 30-летие ее творческой молодости.

И. ГРУЗДЕВ.

ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА ФОРШ. Фото Мавелева (Союзфото).

СЛУЖЕНИЕ ИСКУССТВУ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

«Обращаться со словами нужно честно», — сказал когда-то Гоголь. Ольга Дмитриевна Форш — писатель, для которого эти слова стали законом и который достиг громадных успехов в изображении прошлых эпох нашей родины и в изображении новой нашей советской действительности.

Вступив на трудный и благодарный путь литератора задолго до Октябрьской революции, О. Д. Форш с годами все более и более совершенствовала свой выдающийся талант. После Октября, в жилищном воздухе эпохи, грозной и благодатной для человечества, талант ее достиг полного расцвета.

Множество характеров проходит перед нами. Если взять научную людей в этой истории, мы найдем там героев так называемого высшего света прошлых эпох, темных владык и борцов за свободу, русское крестьянство и русского рабочего, студента и советского служащего, интеллигента и пугачевца, художника и философа, людей Запада — парижан и иностранцев-туристов, комсомольцев и ветеранов революции, — многое множество народа пройдет перед нами, и вы будете смотреть с увлечением на этот человеческий поток и смеяться, и негодую, сочувствуя и содрогаясь.

Вот широта работы большого мастера, вот богатство жанров! Миллионному читателю страны нашей дала она первый по времени советский исторический роман, дала острые, полные незабываемого, тонкого юмора рассказы, дала блестящую сатиру о людях и днях Запада, дала советскому экрану популярные фильмы, написала много статей и очерков, пьес и исследований.

Эта изумительная способность переходить от одного жанра к другому настолько же неожиданна, насколько закономерна, настолько же удивительна, насколько победоносна...

«Одеты камнем», трилогия о Радищеве, «Дворец и крепость», «Пугачев», «Под куполом» и др. — все это разные произведения, но в них есть волевое единство при разности сюжета и стиля. Их рождает то, что они написаны изумительным языком, словом, живописности его, точности и теплоты много отдано труда, и зато эти книги — книги острые, книги умные, книги отборные.

В годы, когда на развалинах старой России стала создаваться новая, могучая страна и первые советские литераторы еще в грохоте последних раскатов гражданской войны валили уже новое оружие — перо — в свои руки, среди этой воинственной и горевшей антагонизмом молодежи работала и творила, создавая первые советские книги, молодая, как и сейчас, энергичная, как и сейчас, неутомимая и острозоркая Ольга Дмитриевна Форш.

Мы знаем, как изнашиваются и стареют таланты, но какая-то особая жизнеспособность, особая сила молодости неистребимо присутствует в даровании Ольги Дмитриевны Форш. Многие литераторы могли бы у нее поучиться той солнечной легкости и неис-

сяжаемой энергии, которыми пронизаны отрывки написанных ею книг.

У писателя ограниченного — все ограничено. Вы видите, в каком малом мире образов он живет, вы видите, что его знания — «отсюда» и «досюда», вы видите, как узки его познавательные способности, вы чувствуете бедность языка, хотя и прикрасит иногда убогий тяжестью словесных украшений, неоправданных и беззастыдливых.

Большой хозяин слова, каким является Ольга Форш, большой мастер является как бы проводником вашим в тот богатый край, который он представляет вашему взору и вашим переживаниям.

Здесь такое множество городов и селений, людей и пейзажей, картин, которые нарисованы воображением и вызваны памятью, все так волнует, все так понятно, так закономерно расположено, здесь так много свободы игры ума и сложной простоты, открытий, характеров, вам впервые показаны, слеза жасни, вам еще не виданной.

«После каждой работы», — признается наш автор, — только на короткое время я испытываю радостное опустошение, но очень скоро опять прихожу в особую рода бесполовности». Это правда.

Радостное опустошение это идет оттого, что на каждый труд свой писатель отдает всего себя, ничего не утаив ни перед кем, не спешая, не смалодушничая, но обманув труднейшим боковым ходом, владеа большим арсеналом приемов и ясностью писательского юмора и воли.

И вот снова нарастает особое беспокойство, и пишется новая, настоящая книга, что особенно радостно и поучительно, если вспомнить, сколько трудных и скучных книг на свете и как редко настоящие.

О многом рассказала своему читателю Ольга Дмитриевна Форш, и как интересно рассказала. Сюжетны ее книги, и всегда сюжет сложен и оправдан в своей сложности, а слово — оно искрится, оно звучит то мягко, то саркастически, то строго, но всегда точно и найдено с первостепенным вкусом.

Скоро мы прочтем новую книгу ее, которая названа автором «Живописной автобиографией». Она будет состоять из ряда коротких, оосредоточенных рассказов, где пройду значительные эпизоды, действительные сцены большого и трудного и знаменательного пути писателя.

Настоящее служение искусству на пользу родной стране и литературе русской не знает никаких скидок, никаких скидок с совестью. В книгах Ольги Форш мы, современники, внимательные и строгие читатели, найдем это настоящее служение.

И сегодня, в день 30-летия ее литературной деятельности, нам хочется приветствовать Ольгу Дмитриевну от всего сердца и пожелать ей еще много лет большого труда и много новых прекрасных книг на радость большому читателю нашей Советской страны.

БЕСЕДА С ЮБИЛЯРОМ

Тридцать лет назад, в 1908 году, в редакцию одного из киевских литературных журналов пришла учительница рисования Ольга Дмитриевна Форш. Немного конфузась, она положила на редакторский стол тетрадку, испианную крупным, размашистым почерком. Это был первый рассказ, написанный Ольгой Форш. Он назывался «Черешня».

Рассказ напечатали. Через несколько недель в журнале «Русская мысль» был напечатан и второй рассказ Ольги Форш «Был генерал». Имя киевской учительницы рисования стало известно не только в среде художников, но и в литературных кругах.

...Мы сидим в рабочем кабинете Ольги Дмитриевны. На выдвинутой полке старинного бюро стоит пишущая машинка. Ольга Дмитриевна дописывает строчку и вынимает страницу.

— Над чем я сейчас работаю? Об этом, о заманной мною книге как-то трудно рассказывать. Лучше я вам прочту кое-что из этой книги...

Ольга Дмитриевна берет со стола несколько листов.

— Ну вот, послушайте...

Знаете ли вы, что мои книги в последние годы издавались только в последне-летние годы? Да, до Октября я печаталась в журналах, печаталась долгое время (десять лет!), но отдельным изданием вышла одна лишь маленькая книжка детских рассказов. Для того, чтобы существовать, я поперемья учила школьников растевывать лыбы Аполлоном и Зевсам...

— Все мои книги вышли уже в советских издательствах; впрочем, после Октябрьской революции написаны и основные мои произведения. Давайте сосчитаем: семь написанных мною романов вышли 28 изданиями (только на «Одеты камнем» приходится 12 изданий); накануне тридцатилетия своей литературной работы я закончила еще один роман — «Пагубная книга», завершающий трилогию о Радищеве; мои рассказы изданы шестью сборниками; написана пять пьес, несколько сценариев — «Дворец и крепость», «Пугачев».

Завонил телефон: из театра сообщили о премьеры оперы «Расцвет». Телефонный звонок напомнил, что Ольга Форш работала и над либретто этой новой советской оперы. С большими творческими планами встречает Ольга Дмитриевна литературное тридцатилетие.

Ю. ИС. Ленинград. (Наш юмор).

Ольга Форш

БАЛЬЗАМ

Глава из «Пагубной книги»

У цесаревича Павла умерла от родов любимая жена Наталья Александровна. Пять суток продолжались нестерпимые муки, вызванные неправильностью телосложения великой княгини, пока наконец врачи объявили, что смертный исход неминуем, коль скоро не будет допущено вмешательство хирургическое.

Обезумевший от горя Павел разрешил сделать жене «цесарево сечение», но все же было поздно.

Плохо понимая пошутанную речь вошедшего к нему в необычный час Шикиты Ивановича, он догадался, взглянув на его руки — золотые, полные, в драгоценных перстнях, одним жестом выразившие безразличность положения, что все кончено, и Натали погибла.

Жена была его опорой, его советником. Ей одной Павел всецело доверял. Ей и ближайшему другу сердца — Андрею Разумовскому — сыну гетмана и президенту науки.

С детских лет Павел был дружен с Разумовским, как с братом, поверял ему все горести, с ним одним делился ужасными мыслями о матушке-императрице, не вынося подчас одинокого гнета страшных подозрений, что родила его мать причастна к убийству в Рошпе его отца.

Хоть обрывками, а докопали слухи и сплетни... Из них росла и крепла в бессонные ночи догадка: нет, не с пьяных глаз, а по тайному уговору, по извощенно святы, прикончил Алешка Орлов императора. Пусть официальное объявление гласило, что причиной смерти были некие «геоморриальные колики», и за границей оным не слишком-то веру давали. Вель не что иное, как сие темное обстоятельство дало повод Даламберу воскликнуть в ответ на приглашение августейшей матушки приехать в Петербург, что он гораздо боится морозов и «неких геоморриальных колик», которые уносятся без разборю людей.

Да, только с ней, с умницей Натали, только с Андреем Разумовским отпущала обременяющая разум подозрительность. Этим двум верил слезо и, веря им, отдал от своих, угнетающих волю дум, от себя самого.

В последнее время Павел гордился женой особенно потому, что стало заметно, — и немало о том шептались при дворе, — что императрица не на шутку опасается своей умной невестки. Известно было дословно, что писала она Гримму весьма осудительно про своеволие, самостоятельность и честолюбие Натали, «которая в своих желаниях меры не знает».

Точно сама матушка анала меру, не лпуская на трон его, уже лясющегося сына, единственного, имеющего на этот трон право!

Умная Натали была действительно соперницей матушке. Она одна была бы в силах ускорить законное воцарение, ибо действительно была честолюбива. Руки ее так и тянулись к короне.

По ночам, даже среди ласк, она не устала твердить Павлу о его пограничных правах, являва в него больше сил и энергии, чем вместе с Паниным все маосны.

И Андрей Разумовский, вкрадчивый красавец, своим примером обучал Павла властвовать собой, вихрился образованием, полученным за границей, помогал ковать уверенность, что в Европе будут приветствовать его, Павлово, воцарение.

Андрей университет окончил в Страсбурге, и совершенстве постиг музыку, сам чудесно пел и играл. Он дружил с Натали, как нежный брат.

Это постоянное пребывание с оларенными и притом самими близкими людьми было для Павла жатейней всех роскошных вечеров матушки с остроумием ее послов и придворных.

Сейчас, в постигнем его сокрушительном горе, Павлу легко было видеть одного лишь Андрея Разумовского. Неоднократно за ним посылал. Один был ответ: тяжело болен, в бреду и жару, врачи держат в постели.

Робко появлялся в дверях лакей в ягидриной ливрее и, страшая гневного окрика расстроеного цесаревича, доложил: — Их императорское величество просит ваше высочество пожаловать к ним в апартамент.

Екатерина сизела перед своим письменным столом. Прей ей стоила беновая, выложенная инкрустацией из перламутра и золота, шпатулка. Узорным ключом Екатерина открыла тяжелую крышку и вынула из шпатулки пачку тонких листов, написанных по-французски размашистым мужским почерком. Слетка ими по-

тряхивая, она сказала, подгубернувшись к незаметно вошедшему Хравовицкому.

— Вот оно, радикальное средство для излечения горя цесаревича!

Осторожный Хравовицкий на всякий случай поклонился с видом сочувствия, которое можно было отнести куда угодно: то ли это было болезнование по адресу Павла, то ли почтительная дань материяской озабоченности императрицы, и без того обремененной обязанностями государственными.

Хравовицкий был тот человек, который до конца дней Екатерины правил ее черновиком и учил ее русскому языку, оказавшемуся для ее немецкого произношения непреодолимым. Хравовицкий помог создать этот несколько задорный, чрезмерно прещищенный остроумием «екатеринянский» стиль, а сам в то же время записывал про императрицу в дневнике тускло, бездарно, как мерин-водовоз возил воду.

Умный человек, он понял, что при таком близком домашнем приближении, когда являешься свидетелем характера, уже ничем неприкрытым в его несправедливости, гнеше, коварстве, надлежит скрывать собственный ум и зоркость глаза. Екатерина привыкла к Хравовицкому, как к своим персткам. В его присутствии нередко выражала она свои самые тайные мысли.

Сейчас, усмехнувшись, сказала: — Именной ночью, слышал, Никита Иванович свою лень поборол — самолчно дежурил у цесаревича?

— Опасаются, руки бы на себя не наложила с горя его высочество...

— Не жалок, — михомодом, почти с насмешкой, проронила Екатерина и сказала главную свою мысль. — Срамлы его Панин, что велет себя малодушно, недостойно будущего самодержца, коему теряться от горя, как партикулярному человеку, весьма непристойно. Однако, сколь ни пешуца ему присьне об его парских правах, сколь ни стараются, хлопача в первую голову о себе, — ни ума, ни величия сему грядущему императору они не прибавят.

И с раздражением Екатерина сказала: — Разогрились, Василий, чтобы тотчас был вызван ко мне цесаревич. Хравовицкий направился к дверям, но Екатерина вдруг почему-то его остановила и сказала, познзав голос.

— А сами, судари, пребудьте тут рядом по близости, цесаревич перевозен.

Хравовицкий понимающе склонил голову и вышел. В беновой шпатулке с перламутровыми инкрустациями были неоспоримые Юказательства того, что отношения покойной жены Павла к его другу первейшему, к Андрею Разумовскому, были не чем иным, как пламенной любовной связью. И, что в глазах Екатерины было много важной и преступной, в бумагах великой княгини были найденны компрометирующие ее документы о займе, сделанном через посредство того же Андрея Разумовского у французского двора.

Сейчас, когда Павел стоял необузданно предаваясь скорби, она считала, что раскритиковать жестокую правду должно будет его немедленно исполнить и насильственно втолкнуть в действительность.

Павел вошел стремительно в кабинет матери. Он почти вжал на своих негущихся ногах с таким выражением, как в виду опасности неуменьший плавать должен кинуться в воду.

Павел держался прямо, высоко задрал голову. Эта привычка у него сделалась самой природой. Своей подчеркнутой мажневой манерой он думал увелчить изверный рост и создать хоть слабую тень той представительности, которой в высшей степени обладала его мать.

Голубые глаза, слишком большие для его маленького и старобразного лица карлика, возбужденно сверкали. Судорога сдерживаемых рыданий потеривала его большой, мало выразительный рот. Он был в таком состоянии расстроенных чувств, что оказался не в силах присутствовать на погребении своей жены. Мать не могла этого не знать, чего же она сейчас желала потребовать от него?

Павел безмолвно поклонился, поцеловал руку императрицы. Екатерина на минуту задержала его голову в своих маленьких руках, слезка стиснула лоб сына залыцями.

У Павла промелькнуло воспоминание о том, как сильно он в детстве мечтал о такой вот материнской ласке, чтобы хоть на один миг они в целом мире были двое — мать и сын. Как бы отдохнул он от своего грядущего, неотпускающего бесполой ласки, которое уже тогда, помимо его воли, разрепалось припадками ему самому непонятного гнева.

Сейчас ему было только неудобно стоять на коленях с откинутой головой, зажатой в полных сильных руках, пахнувших духами. А ласка матери до его чувств уже дойти не могла. Он давно своей матери не верал и ее не любил.

— Вы сейчас должны будете собрать все ваше мужество, сын мой! — сказала Екатерина по-французски и выпустила голову Павла из своих рук.

Павел выпрямился, всхлинул и решил императором молчать, что бы ни сказала ему императрица.

Те же самые слова про необходимость мужества ему твердили все знаменитые, приближенные к малому двору, старина, а он только хотел, чтобы его оставили в покое, одного с своим горем али с Андреем Разумовским, этим, как звал он его, «ami fidele et sincere». Он и покойная Натали были его опорой среди вкрай корыстных партий и людей, для кото-

рых он представлялся только средством для их личных успехов. Сейчас вот и мать его хочет пытать, чтобы общественное мнение не корило ее за недостаток сочувствия к горю сына. Все у нее на показ... Она покойную Натали совсем не любила.

Из последних сил сдерживаясь, Павел очень вежливо сказал:

— Благодарю вас, матушка, за сочувствие, я полагаю на волю всевышнего бога, посетившего меня сим тяжким испытанием.

Екатерина почти весело блеснула на Павла глазами и молвила с расстановкой:

— А если этого горя, мой сын, вовсе нет? Верней сказать, его не будет сейчас, как только я перед вами раскрою всю правду.

Павел вздрогнул, невольно, как бы зашпищась от удара, выдвинул вперед руку.

— Что вы этим хотите сказать, матушка?!

— Я хочу сказать, — торжественно прозвучал голос Екатерины, — что как только вы глянете в глаза истине, однако не как оскорбленный муж и мужчина, а как наследник престола...

— Матушка, не помните... — рыданом вырвалось у Павла.

Екатерина жестом правой руки указала ему на козетку рядом с письменным столом. Он бессильно опустился.

Протанув сыну правую руку, в которой чуть дрожали тонкие листки почтовой бумаги, испианные размашистым мужским почерком, и другие листки — ответные, перевязанные розовой ленточкой, с знакомыми, чуть кривыми мелкими строчками, неважно живой, престельной Натали, Екатерина веско сказала:

— Я полагаю, как добрый хирург, что наносит удар, необходимый для исцеления больного, надо сразу, не помышляя о причиняемой ему боли. И потому... Прочтите вот это сами.

Павел мучительно переводил глаза с любовно сконченной к нему матери на пачку листов с кривым почерком Натали, который он тотчас признал.

Как море в грозу, внезапно отжелезла голубизна его глаз. Они были темны и безумны.

Он раз, и два, и три пробегал пламенные строки любви, адресованные его любимой женой его первейшему другу. Создание его меллоло называть словами причину боли, разрывающей его сердце.

Первая назвала она, его мать, императрица.

— Вы держите в руках черновик письма Натали к Андрею Разумовскому, мой сын, и подлинники его писем к ней, тщательно его сохраняемые, как вещь сержуду дороги.

Екатерина указала на ленточку, которой была перевязана пачка.

— Андрей Разумовский был возлюбленный Натали, и ребенок, который умер, не увидев света, был несомненно, не ваш сын. Перестаньте же, мой друг, горевать.

Павел вкочил с козетки. Он вне себя бежал по комнате. Воспоминания, одно прозвительней и убедительней другого, подтверждали только что уснанную истину, вставали в его памяти. Все знали давно, все ему намекали. Один он не хотел понимать. Но что понимать? Да только то, что переживший его друг, Андрей Разумовский, отнял у него жену, его Натали. А мать сейчас отняла их обоих...

Он остановился. Он не мог говорить. Закрыл глаза. Ему показалось, что он от боли ослеп. Он любил ее, своего умницу Натали.

И странно, даже сейчас, в эту страшную минуту, он ненавидел не ее, а своего мать императрицу, которая, чувствуя его, торжествовала. Единственная ее соперница устранила, и самая память ее обесцелена.

А Екатерина говорила уже деловым ровным голосом.

— Андрей Разумовского я пока отошлю в Ревель. И подумайте только, с этим длинным человеком находил особое удовольствие беседовать сам историк Шлегель...

Острая боль с новой силой потрясла Павла. Его большое сознание соглотулось от невозможности уже ничем впредь спастись от власти кошмаров и ментальности. Чувство своего предместности, своей гибели ужаснуло его.

Рывнувшись к Екатерине, сверкая безумными глазами, он выкрикнул.

— О как жестоки вы, ваше величество, наноси мне эту рану!

— Вы забываетесь...

Екатерина приподнялась, пожала тонкие губы.

— Вам мать хотела пролить на ваши раны бальзам...

— Бальзам!..

Павел, не помня себя, шагнул к матери. Екатерина испуганно потянулась в сторону.

— Не бойтесь.

Внезапная бледность сменила на лице Павла только что пылавший румянец. Он утробно и тихо сказал.

— Хотя я ваш сын, я убийцей быть не могу.

Павел схватился за голову и, как потертый, выбежал из комнаты, отбросив всяческий этикет. На пороге будара императрицы он споткнулся и без чувств упал на ковер.

Екатерина позволила. Обжалась лежущие по двору, подхватили недвижное тело цесаревича. Все суетилось, не зная, что делать.

Екатерина, не торопясь и вполне владея собой, приказала подошедшему Хравовицкому немедленно вызвать слугу Хоржерсона, чтобы пустить цесаревичу кровь.

О формах критики и о духе поэзии

ВАС. ЛЕБЕДЕВ - КУМАЧ

За последнее время в центральных газетах появились целый ряд статей, заметок и рецензий, посвященных вопросам современной поэзии. Одной из главных причин этого повышенного интереса к поэтическому творчеству является постановление партии и правительства о признании поэтического наследия В. В. Маяковского государственным достоянием. Поэтому естественно, что в статьях и обзорах, даже непосредственно не посвященных В. В. Маяковскому, его имя упоминается особенно часто, ибо каждый из авторов критических статей стремится подчеркнуть свои тезисы и положения высказываниями лучшего и талантливейшего поэта нашей эпохи.

То, что вопросы современной поэзии все чаще находят себе место на страницах центральных газет и, следовательно, начинают живо интересоваться всю советскую общественность, — это факт чрезвычайно радостный для всех советских поэтов. То, что высокие традиции В. В. Маяковского все больше привлекают к себе и поэтов и критиков, — это факт не менее радостный и знаменательный для нашей поэзии и для всей нашей литературы. Чем выше требования печати, тем выше будет уровень нашей поэзии. Статьи, появившиеся за последнее время, выражают насущную потребность советских людей в хороших стихах. Это законное требование читателей, критики, да и самих поэтов надо всячески поддерживать. Единственно, о чем бы хотелось поговорить, — это о стиле и тоне некоторых критических статей и рецензий.

Выступая по статье о современной поэзии на сукно отмеренных для этого столбцах центральных газет, любой советский человек — будь то критик-профессионал или критический «любитель» из писателей — должен чувствовать большую ответственность. Наше поэтическое хозяйство при всех его минусах и недостатках представляет из себя очень большую и важную культурную ценность, которую мы должны уметь хранить, бережно растить и неустанно приумножать. Надо знать и любить это сложное и разнородное хозяйство во всем его многообразии, надо уметь видеть, какую роль выполняет тот или иной работник этого хозяйства и хорошо ли он справляется с работой на своем участке. Словом, надо забыть про «вою колхозники» и взглянуть на нашу современную поэзию по-большинству, по-хозяйски, по-государственному.

И мне кажется, что во всем авторам, выступавшим по вопросам поэзии, удалось это сделать.

Большевистская критика — сурова и беспощадна, но она никогда не старается морально убить, расшатавать и хотя бы на время вывести из строя честного и мало-мальски ценного работника. За ошибки и промахи у нас бьют и больно бьют, но не издеваются и не хихикают, ибо это не по-товарищески и не по-советски. Разалос бы, — истина эта общезвестна, но все же хочется напомнить о ней некоторым бойким критикам и рецензентам.

И еще кое о чем хочется напомнить этим критикам. Нельзя, разбирая вопросы современной поэзии, походить, мимоходом, в одном абзаце раздвигаясь с тем или иным поэтом или даже с десятком поэтов, приравняв их к какому-нибудь неудачному образцу или выражению. Нельзя легкомысленно раздавать зуботычины, пользоваться тем, что тебя пустила на газетную полосу. Единственно, чего этого можно достичь, — это оболечение «заушаемого» и полной потери авторитета «заушаемого». Нельзя отрывать отдельные стихотворения от всей работы поэта в целом, нельзя отрывать одно неудачное строку от целой вещи и на этом основании объявлять поэта остальным, плохим, бездарным и т. д. При таком подходе можно

обругать любого поэта от Пушкина до Маяковского и ли на гроб не помочь советской поэзии. Если уж критиковать поэта, так критиковать развернуто, по-товарищески, по-деловому, на фоне всего его творчества, разглядев хорошенько процесс его роста и становления. И как бы ни была сурова критика, надо обязательно указать поэту не только на его промахи и неудачи, но и на достижения, хотя бы минимальные. Это необходимо для того, чтобы дать критикуемому хотя бы какой-то ориентир для будущей работы.

Мне хотелось высказать ряд положений с моей точки зрения беспощадных для всей поэтической общественности, с тем, чтобы больше к этому не возвращаться.

Меньше чем кто-либо, я собираюсь брать под защиту и отдельные неудачные строчки и целые плохие стихотворения В. Луговского, в частности, очень плохие строки, приведенные В. Катаевым. Но нельзя же только на основании этих строк обрывать В. Луговского со счетов современной поэзии, как это делает В. Катаев. Не надо забывать, что за плечами у В. Луговского есть долгие годы полезной поэтической работы. Не надо забывать, что В. Луговской, как немногие другие, часто, добросовестно и плодотворно потрудились над переводами и редактированием переводов многих и многих поэтов братских республик. В этом тоне критика В. Катаева была бы гораздо убедительней, суровой и авторитетней и принесла бы значительно больше пользы В. Луговскому.

Я не собираюсь петь восторженных дифирамбов поэме С. Васильева, нуждающегося в серьезной товарищеской критике.

Между тем С. Кирсанов, говоря о поэме С. Васильева, почему-то не нашел ничего лучшего, как упрекнуть автора за слова «амедина», «небось» и «адриный».

Этот тем более любопытно и странно, что и сам С. Кирсанов, ярый противник «нутряных» слов, уставши удивлять мир нудряными и тошнотворными словообразованиями, вроде «люблинг», «люблинчик», «диривлялик» и «огремиты», — не стесняется употребить какое-нибудь запрещенное слово, вроде «анадысь» или «отсыдова».

Кстати, раз уж мы перешли к критическим высказываниям С. Кирсанова, считаем не лишним напомнить ему, что молодой и способный поэт А. Твардовский, написавший немало хороших стихов, на основании двух строчек, хотя бы и не первоклассных, никак не может быть назван ни «серым», ни «литературчиком» и «по бумаге пером он идет» так, что у этого молодого можно кое-чему, пожалуй, поучиться и не молодому Кирсанову.

Считаем нужным также заметить Кирсанову, что строчки из стихотворения А. Суркова, которые он привел в своей статье, вовсе уж не так плохи:

Мы вместе песни радости поем
И песню божьим поднимем вместе.

А главное это то, что Сурков говорит это искренне и с полным правом, ибо его песни радости и в особенности песни богу знает и действительно подымает народ. Хотя бы по этому одному вряд ли стоило причислять А. Суркова к «молодым» и к «серым» — для этого нет никаких данных.

Напрасно также поэт и критик С. Кирсанов сызнова называет поэта и критика К. Симоню «молодым трудоспособным литератором», еще не нашедшим правильного приложения своим способностям, напрасно

он так безаппеляционно заявляет, что в стихах и поэмах Симоню нет поэзии. Мы считаем, что, несмотря на отсутствие в стихах Симоню «люблинчик», «амедивлянок» и других «диривлянок», — в них безусловно есть поэзия. И то, что он пытался в своих работах в меру своих сил и возможностей погасить «долги» перед русской историей и перед историей великой коммунистической партии (которые Кирсанов только признает) — можно лишь приветствовать. Непонятно только, почему Кирсанов своей легковесной критикой хочет помешать «трудоспособному» К. Симоню расти и работать?

И еще один недоуменный вопрос хочется задать С. Кирсанову по поводу его статьи «О молодых поэтах». Откуда взял С. Кирсанов, что наша поэтическая молодежь ориентирована на... Гумилева и Кишлага? Мне приходится читать и просматривать целые груды работ начинающих и молодых поэтов со всех концов Советского Союза, мне знакомо творчество В. Луговского со счетов современной поэзии, как это делает В. Катаев. Не надо забывать, что за плечами у В. Луговского есть долгие годы полезной поэтической работы. Не надо забывать, что В. Луговской, как немногие другие, часто, добросовестно и плодотворно потрудились над переводами и редактированием переводов многих и многих поэтов братских республик. В этом тоне критика В. Катаева была бы гораздо убедительней, суровой и авторитетней и принесла бы значительно больше пользы В. Луговскому.

И в этой статье С. Кирсанова — это то, что молодые советские поэты (да и не молодые — тоже, добавим мы от себя) должны и могут многому научиться, любовно осваывая поэтическое наследство лучшего и талантливейшего поэта нашей эпохи В. В. Маяковского.

Но и здесь хочется разострогать С. Кирсанову, а вместе с ним и некоторым другим критикам, как мы понимаем творческое освоение этого прекрасного и большого наследства. Прежде всего кажется поистине смешотворным, когда какой-либо поэт или критик прямо или в прикритой форме хочет объявить себя единственным наследником, единственным верным хранителем всех заветов и традиций Маяковского. Это выглядит особенно карикатурно после декрета о признании литературного наследия В. В. Маяковского государственным достоянием. Но такие смешотворные претензии все же встречаются. И те, кто эти претензии заявляют, — не понимают самого главного в творчестве Маяковского, главной сути его глубокой, многогранной и неповторимой творческой личности, самых основных причин всенародности его голоса.

Упавшимся за какие-либо формальные трошки, может быть и похоже в виду на творческие поиски гения Маяковского, — они упиваются звуком своих побрякушек и, не видя вокруг себя подобных, начинают воображать себя единственными верными оруженосцами и продолжателями дела великого поэта.

Другие — из стана критиков, — твердо усвоив себе форму и букву стихов Маяковского, не видят и не хотят видеть ни в ком продолжателей его поэтических трудов, ибо любая работа другого поэта не может уложиться в форму и букву стиха Маяковского, а если и уложится, то будет лишь жалкой и бедной копией. И вот эти буквоеды и начетники подымают крик о том, что творческие традиции Маяковского навеки утеряны, что в современной поэзии полный кризис и лишь они одни знают, пенят и любят великого стихотворца и могут любить всех поэтов, как надо работать, но поэты к ним почему-то учиться не идут, и это-де отнять плохо.

Все такого сорта люди, добровольно и

бескорыстно или даже с некоторой корыстью зачисляющие сами себя на службу при поэтическом наследии В. В. Маяковского, не понимают самого главного — великого и живого революционного и созидательного духа творчества Маяковского.

Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо,
С чуточку чтоб и с выделкой стали о работе стихов,
от Политбюро, чтобы делал доклады Сталин.

Вот завет поэтического гения В. В. Маяковского всем поэтам советской страны. Все не так просто поднять поэзию до такой высоты, сделать ее таким могучим и нужным фактором политической жизни страны, чтобы делал доклады Сталин о работе стихов, от Политбюро. Но надо и этому стремиться, надо за это бороться, и бороться как героически, как дерутся за победу наши лучшие люди на трудовых и боевых походах.

Надо уметь ненавидеть «всяческую мертвечину» вражеской идеологии, схоластики, буквешество и страстно «обожать всяческую жизнь» нашей молодой и прекрасной страны.

Чтобы следовать заветам Маяковского, вовсе не обязательно «рубить строку» и пытаться сделать из себя формальное подобие его образа. Надо стараться, чтобы у нас было «больше поэтов хороших и разных!»

Росту этих хороших и разных поэтов поможет суровая и нелицеприятная критика, без взаимной амнистии, без некоторых предрассудков, мешающих части наших поэтов признать свои недостатки. Не надо считать, как это делают некоторые поэты, что деловая критическая статья — это поход против поэзии, а правильная, хотя бы и резкая критика поэта — это личная травля.

Научимся отвечать на правильную критику наших недостатков не заявлениями, жалобами и декларациями, а просто хорошими стихами.

Если мы пойдем и освоим великий дух творчества В. В. Маяковского, его поэтическое прозорливости и страстности, его предельную честность с самим собой и с читателями, его трудоспособность и мастерство, его огромный груз, его любовь к нашим людям и к нашей Родине, его умение ставить большие и трудные проблемы роста социалистического сознания, его ненависть к врагам, и если мы сумеем каждый по-своему поднять и обогатить этим могучим духом наше творчество, — мы выполним этим самым поэтическое заветы В. В. Маяковского и приумножим его прекрасное наследство. С. Кирсанов прав — долго у нашей поэзии много: и перед историей прошлых лет и столетий, и перед историей нашей великой партии, и перед историей, которая только пишется и будет написана нашим могучим советским народом.

Призыв к мобилизационной готовности должен особенно сильно звучать для нас, ибо мы должны, как эхо, нести его в массы. Нам надо сплотиться дружно и крепко, надо уметь и правильно расставить свои силы, чтобы поэтическим оружием квалифицированно бить любого врага. Нам надо беречь свои силы, ибо мы — отряд советской интеллигенции, и грызня и заухальство в нашей среде должны рассматриваться, как дичья и хулиганство.

Пусть наш отряд будет силен и молодителен, по-сталински мудр и отважен, всегда готов к боям и схваткам с врагами. И пусть над нашей поэтической котлодой гордо рвет знамя первого поэта «агитатора, горлана-главаря!»

Плохие результаты хороших начинаний

М. МАРТЫНОВ

Годовой план каждого областного издательства предусматривает издание литературного альманаха. В каждом издательстве находятся люди, по-своему любящие литературу и стремящиеся доказать, что они, дескать, тоже не хуже других, что у них не только есть свои писатели, но творческой продукции этих писателей за глаза хватит для издания известного альманаха. Правда, когда переходят к делу практическому — к отбору конкретных произведений для составления альманаха, у любителей литературы, наряду с уверенностью в достаточно высоком качестве отдельных вещей, возникает сомнение в готовности для печати других. Порою сомнение сменяется убеждением, что тот или иной рассказ, то или иное стихотворение просто негодны. Но других рассказов и стихов в редакции сейчас нет, и если не печатать вот эти, то никакого альманаха не получится.

Потом альманах выходит в свет, и здесь наступает неизбежное разочарование. Читатель, купивший альманах, невольно ворчит или просто ругается, и сборник долго лежит на полках, пока перелет у него не сожмется и не выплетет.

Примерно такой путь прошел или проходит четвертый сборник архангельского «Севера». Здесь есть и стихи, и рассказы, и очерки, но вместе с тем нет ничего такого, что бы хоть в какой-нибудь мере оправдывало название альманаха: «литературно-художественный». Вместо того, чтобы организовать литературный кружок и дружески покровительствовать его заседаниям незрелые вещи участников альманаха, редакторы решили все написанное сначала опубликовать и лишь потом, при случае, поговорить о качестве напечатанного.

По говорить сколько-нибудь серьезно о качестве абсолютного большинства произведений невозможно.

Первый рассказ А. Митронова «На зимовке» написан в манере плохоньких святочных рассказов. Митронов берет интересный тему нашей действительности — он пишет о неразрывной связи людей, зимующих на далеком северном острове, со всем народом советской земли, о сталинской заботе о людях. Тему эту он превращает в суестьную картинку, лишнюю дышанья полновесной жизни.

У одного из зимовщиков заболел маленький сын. По свидетельству автора, больной Сережа был очень хороший мальчик, все окружающие его жалели и страдали от своей беспомощности. Он умирает (кстати, неизвестно, от какой болезни); все в тупике. Автор уверяет, что мальчик остался жить, самое большее, три-четыре дня. Тогда начальница осеняет идею:

«Самолет, — произнес начальница. — Самолет с хорошим врачом и с набором острых медицинских инструментов» (стр. 15).

Мысль эту начальница сообщает собаке, потому что боится испугать людей несбыточностью придуманного. На протяжении нескольких строк начальница раздумывает и колеблется.

«Боясь передумать (!?), он торопливо сел к столу, включил чередатчик и одно

«Север» — литературно-художественный альманах Архангельского отделения союза советских писателей.

Герой Советского Союза М. В. Водопьянов в Литературном институте

16 ноября в Литературный институт союза писателей приехал Герой Советского Союза т. М. В. Водопьянов. В большом и чрезвычайно интересном докладе т. Водопьянов рассказав студентам института о своей жизни, поделился воспоминаниями из своей летней практики. Много говорил М. В. Водопьянов также о своей литературной работе.

за другим посыл в эфир горячие слова призыва...» (стр. 16).

Пока в эфир неслется телеграмма, происходит сентиментальная сцена беседы замученной матери с умирающим мальчиком о поездке к солнышку в гости. Потом несколько коротких «напряженных» строк о «страгической» обстановке ожидания. И вдруг...

«И вдруг огромный скачок он (начальник... М. М.) выпрыгнул на коридор, прочитав по коридору и азю, сразу махнул ногой дверь наружу. Из-за солнца, сверкая золотом крыльях, в окрестности, могла гулять, огромный и сказочный самолет...» (стр. 17).

Рассказ оставляет у читателя тяжелое чувство подозрения, что на самом деле все эти вещи происходят иначе.

В несколько ином плане написан другой рассказ А. Митронова — «Цена человека». Здесь тот же север, те же «страшные» слова, те же стилистические и грамматические шероховатости. Но рассказывается здесь о «древних» человеческих чувствах — о любви, о ревности, о воспрощении.

У охотника-промысловика сбегала жена. Он едет к избушке, чтобы убить и жену и любовника, но встречает своего врага, тонущим в реке. Чувство человека побеждает, обманутый муж спасает соблазнительца, отводит его к своей (безжалостной) жене и гордо заявляет: «литературно-художественный».

Вместо того, чтобы организовать литературный кружок и дружески покровительствовать его заседаниям незрелые вещи участников альманаха, редакторы решили все написанное сначала опубликовать и лишь потом, при случае, поговорить о качестве напечатанного.

По говорить сколько-нибудь серьезно о качестве абсолютного большинства произведений невозможно.

Первый рассказ А. Митронова «На зимовке» написан в манере плохоньких святочных рассказов. Митронов берет интересный тему нашей действительности — он пишет о неразрывной связи людей, зимующих на далеком северном острове, со всем народом советской земли, о сталинской заботе о людях. Тему эту он превращает в суестьную картинку, лишнюю дышанья полновесной жизни.

У одного из зимовщиков заболел маленький сын. По свидетельству автора, больной Сережа был очень хороший мальчик, все окружающие его жалели и страдали от своей беспомощности. Он умирает (кстати, неизвестно, от какой болезни); все в тупике. Автор уверяет, что мальчик остался жить, самое большее, три-четыре дня. Тогда начальница осеняет идею:

«Самолет, — произнес начальница. — Самолет с хорошим врачом и с набором острых медицинских инструментов» (стр. 15).

Мысль эту начальница сообщает собаке, потому что боится испугать людей несбыточностью придуманного. На протяжении нескольких строк начальница раздумывает и колеблется.

«Боясь передумать (!?), он торопливо сел к столу, включил чередатчик и одно

«Север» — литературно-художественный альманах Архангельского отделения союза советских писателей.

Герой Советского Союза М. В. Водопьянов в Литературном институте

16 ноября в Литературный институт союза писателей приехал Герой Советского Союза т. М. В. Водопьянов. В большом и чрезвычайно интересном докладе т. Водопьянов рассказав студентам института о своей жизни, поделился воспоминаниями из своей летней практики. Много говорил М. В. Водопьянов также о своей литературной работе.

В своем выступлении студенты Института отмечали высокие художественные качества сценария, его волнующий драматизм, жизненность образов, хороший язык

эм их стихи образно поэзии, достаточно грамотной, достаточно умелой, подчас содержательной пролиски художественного дарования, но большей частью вполне ординарной, бесцветной и невыразительной. Книги Ойлендера и Сидоренко — явление не единичное. Можно было бы перечислить десятки вышедших за последние годы поэтических сборников примерно такого же качества. Судьба всей этой книжной продукции одинакова: она лежит без движения на полках библиотек и букашечных лавок.

Советских читателей посредственные стихи удовлетворить не могут. Поэтому политически актуально и очень своевременно появление статей в «Правде», резко критикующих плохую работу некоторых поэтов. Бесспорно, что эти статьи помогают уничтожить нетерпимость к критике и другую традиционную инстинктивную реакцию редакторов и издателей в оценке предлагаемых им стихов превращается в медвежью услугу и поэт и литератор.

Именно эта скверная традиция приводит в конечном счете к снижению качества работы поэтов и к поощрению поэзии серой и ординарной.

При издании книг поэтов необходим тщательный отбор. Вель и Ойлендер и Сидоренко — люди одаренные. У Ойлендера имеется интересное поэма о Чапаеве, а в сборнике Сидоренко можно найти несколько хороших лирических стихотворений («Странная осень», «За городом»). Если бы наши редакторы и работники издательства умели относиться к стихам с хорошей товарищеской требовательностью, то эти авторы смогли бы представить в издательство книги, в которых ни одно стихотворение не было бы слабее лучших их вещей. Существующая же до сих пор распространяющая среди части советских поэтов.

Именно эта скверная традиция приводит в конечном счете к снижению качества работы поэтов и к поощрению поэзии серой и ординарной.

При издании книг поэтов необходим тщательный отбор. Вель и Ойлендер и Сидоренко — люди одаренные. У Ойлендера имеется интересное поэма о Чапаеве, а в сборнике Сидоренко можно найти несколько хороших лирических стихотворений («Странная осень», «За городом»). Если бы наши редакторы и работники издательства умели относиться к стихам с хорошей товарищеской требовательностью, то эти авторы смогли бы представить в издательство книги, в которых ни одно стихотворение не было бы слабее лучших их вещей. Существующая же до сих пор распространяющая среди части советских поэтов.

Ю. СЕВРУК

КАК БЫТЬ С ТАКИМИ СТИХАМИ?

Казалось бы, что тут спорного: стихи пишутся для того, чтобы «глаголом жечь сердца людей», чтобы волновать читателей, тревожить их ум, сердце и воображение.

Однако не все поэты и не все издатели согласны с этим беспощадным положением. Она за другой выходит в свет книга, в которых выдвигаются за поэзию чистенько написанные стихи, не содержащие ни глубокой мысли, ни сильного чувства.

Читатель раскрывает изданный голубенький томик с золотым тиснением. На обложке изображен приятный пейзаж с ветвящим дубом на первом плане. Привлекательное оформление, хорошая бумага и четкий шрифт располагают к чтению.

На 87-й странице сборника стихов А. Ойлендера «Август» (именно об этой книге и идет речь) читатель находит следующее стихотворение:

За все, за все, чем хороша
За свет очей и нежность рук
(И жид, их воздухом дыша)
Как не любить тебя, мой друг?
О, будь мне спутником всегда,
Как в полночь — сияняя звезда,
Как в полдень — солнце, как весной —
Сквозная даль и первый зной!

Стихи это? Стихи. Грамотные? Достаточно грамотные и даже, пожалуй, неплохие в общепринятом смысле слова. Не совсем понятна лишь третья строка: как это можно дышать воздухом очей и рук? Но что она дает нам и сердцу читателя?

В книге Ойлендера есть еще несколько подобных же стихотворений. Поэт тщательно переписывает весь привычный лирический обиход (плечи, руки, рот, губы, сумерки, даль, туман). Редкие попытки оригинально разрешить лирическую тему ему не удают-

ся и подчас производят даже комическое впечатление:

Я иду тебя словами,
Песней жалкая рот.
Я иду тебя губам,
Руки выгнув вперед.

Пусть попробует читатель серьезно предоставить себе положение, описанное в этих четырех строках!

Если лирические миниатюры занимают в сборнике Ойлендера сравнительно скромное место, то книга Н. Сидоренко составлена почти исключительно из лирических стихов. Все они написаны по одной и той же схеме, которую автор повторяет в стихах, датированных 1934, 35, 36 и 37 годами и описывающих самые различные случаи жизни.

Картина весеннего полудня, две-три лирические детали («ты озябла», почему ты варажила сила?») и в конце сравнение лежачего с «бомом за рост страны моей» («Лед идет»).

Картина апрельской грозы, лирический штришок («Мы оба вымокли до нитки» и т. д.) и в заключение шутка о Тютчеве и о его «грозе в начале мая» («Апрельский дождь»).

Картина морского приюта, встреча с девушкой, лирические воспоминания о встрече в Москве и слова строфа о Черном море («На взморьях»).

И так далее. Приятные пейзажи перемежаются с лирическими ассоциациями. Если эти ассоциации печальны, они смягчаются описанием природы и даются мимоходом, наконец, так, чтобы не потревожить читателя. Ни одного сильного чувства, ни одной острой психологической коллизии; и горе и радость — одинаково спокойные, умеренные и беззлобные. Как будто в нашей стране нет ни могучих страстей, ни сложных переживаний, ни громкого смеха.

Усвоив раз и навсегда одинаковую лирическую схему, поэт в конце концов теряет чувство ответственности за то, что он пишет. И вот в стихотворении «Приветель» появляются строки:

На утро пророс из-под снега булыжник.
Он ровен и нежен, как первый штепел.
Герой того же стихотворения ходит «субботный, подобно сосне». В стихотворении «Железная дорога» люди едут «на мрешиный (?) Дальний Восток». А в стихах о со-

ветских женщинах имеется четверостишие, слабая безвкусица которого прямо ужалывала:

Словно дружеская записка
С неостышим дыханием слов,
К нам сплуталась парашютистка
С тельной наукой обаялок.

При такой творческой невысказанности Н. Сидоренко умудрено, что и в лирической поэме о Пушкине он не справился с ответственной темой и попытается вытравить отчужденности заменить отсутствие отчужденности и ясного представления о личности великого поэта. Подробный разбор этой поэмы, в котором Пушкин изобретается попеременно то одиноким «пейзом — с собой наедине», то революционером-агитатором, бросающим народу «призыв и оружие», завед бы нас слишком далеко. Скажем только, что совместно все-таки обьявлять современными мыслями Пушкина должно-многозначительные, а по существу пустые тирады вроде:

Мир тогда жить прав,
Когда перерастает завязь
В гуденье сосен и дубрав.

Или:

Сырой комок перехватил дыханье...
Я плачу? Да. И знаю отчего:
Я ощутил всю мощь и откровенья
Корней и веток века моего.

Сидоренко подменил мудрую простоту Пушкина собственными невнятыми мудрствованиями. Не надо было этого делать, а тем более печатать.

Так же, как и Н. Сидоренко, А. Ойлендер не чул большим лирическим формам. В сборнике Ойлендера включено пять поэм о войне. Напрасно стали бы мы искать в этих поэмах отчетливых, поэтически своеобразных характеров, резко очерченных действующих лиц, яркую картину эпохи. Ничего этого у Ойлендера нет. Он просто подбавляет одну к другой детали, более или менее отвечающие теме:

Вот несколько строк из его поэмы «Юнец старой армия»:

Словно первые лапышки, (?)
Первые ласточки с юга, (?)
Появились братанье...
И креще залпало землей.
Но на каждом шагу
Подколотая жалась гадюка!
В митингующих ротах

Росло, негодю:

«Долой!»
Этот дробный пунктир же произвольно набранных штришков не дает читателю никакого представления о последних днях войны. Поэт насхлп переложил в стихи несколько публицистических фраз о превращении империалистической войны в гражданскую. Вместо того чтобы попытаться сказать: «в парской армии началось революционное брожение», он пишет: «в митингующих ротах росло, негодю: «Долой!». Художественной конкретности этим нехитрым приемом достиг, конечно, нельзя.

Обращаясь к годам гражданской войны, Ойлендер пишет более обстоятельно, но и здесь он не находит своего голоса, своей темы, своей мысли.

Не раз была уже описана в советской поэзии банальная анархическая волынка. После замечательной картины маковского «Гуляй-поле» в «Думе про Опанаса» Баррицкого, бедным подражанием кажется строки Ойлендера:

Тышина над степью тает,
Синью светят небеса.
Шарабан
Во двор влетает —
Все четыре колеса.
Широченный,
Наизоросный.

В правой кофе до пуга,
Конювер сидит на козлах,
Волосы как у попа.

Немало «братшек» — веселых и храбрых бойцов — нарисовали наши поэты за долгие до Ойлендера. И поэтому герой его «Биографии», у которого «все мое — со мной: гитара, тельник в дырках золотых, бриллиант и кортик старый», также воспринимается не как живой человек военного времени, а скорее как приличный литературный персонаж.

Обилие в стихах Ойлендера «отраженных» образов и мотивов тем более досадно, что он может писать лучше, чем обычно пишет, что поэтическая одаренность у него несомненно есть. В написанной по мотивам народного творчества поэме «Про Василия Ивановича» Ойлендер появляется творческая самостоятельность. В первых главах поэмы образ Чапаева романтически приподнят, это — реальный человек и вместе с тем

легендарный герой. И этим оправдана романтика шлога поэмы, переданного народному сказку о том, что Чапаев не умер, что он ходит по полям и проверяет поэты на наших границах.

Но не мало ли одной, безусловно удачной, вещи для целой книги стихов?

Отсутствие своего поэтического голоса характерно также и для политической лирики Н. Сидоренко. Стихи, посвященные важнейшим событиям нашей советской жизни, занимают в сборнике Сидоренко значительное место. Но они так же похожи друг на друга и так же поэтически бедны, как и его лирические стихотворения. Например, Сидоренко написал три стихотворения о рекордных полетах наших знаменитых летчиков. В каждом из них повторяется один и тот же образ летящей птицы:

Открылись крылья
Улетел полет, иль поперек
«(Осушествленная мечта»).

Вновь удивительную птицу
Мы проводили в дальний путь.
«(Горные соколы»).

...стал открытая птица
Над Шелковом поднялась,
«(В полете»).

Тов. Сидоренко обязан был подумать о том, что его стихи по своему идейному богатству, по художественным своим качествам, по своей действительной, агитационно-мобилизующей силе должны хоть в какой-то мере соответствовать общественной значимости явлений, о которых он, поэт, пишет. Героика дальних перелетов, выборы в Верховный Совет — всех этих тем коснулся перо Н. Сидоренко, и ни одна из них не застряла под его пером глубоко поэтической поэзии, ни разу поэт не поднялся на средний уровень умело зарифмованных и прилежно обработанных общих мест.

А ведь эти темы позволяют поэту показать философию нашего времени, зарисовать портреты лучших наших людей, дать пример подлинно социалистического поведения человека в труднейших обстоятельствах, раскрыть сложность борьбы и парос победы... Все

Иллюстративность и художественность

С. Г. ЕХТ

В книге рассказов М. Сергеево — восемь вещей. Прочитав первые три, убеждаешься, что перед тобой — литератор, который неплохо владеет сюжетом и умеет рассказывать. Внимание автора обращено на значительные события — он повествует о германской войне на Украине и периоде германской интервенции.

Казаков бы, один и те же события происходят в рассказах: «Былтальная» и «Фуряжка» и в четвертом рассказе «Прогулка на хутор», но почему так резко, в хорошую сторону, меняется после прочтения четвертого рассказа настроение читателя? Почему думаешь о том, что раньше ты был равнодушен, несмотря на то, что автор повествовал об ужасах оккупации, о зверских расправах с мирным населением Украины? Казаков бы, автор должен был потрясти читателя. Почему же этого не было? И почему в четвертом рассказе равнодушие сменялось волнением, почему именно в этом рассказе услышали мы голос художника?

Они и тот же литератор писал «Фуряжку» и «Прогулку на хутор». И тут и там действие происходит в годы германской войны на Украине. И тут и там говорится о врагах — интервентах, вторгшихся в Украину и разоряющих ее города и села. И тут и там немцы подозревают героев рассказов в сочувствии партизанам. В «Фуряжке» немцы убивают мальчугана, в «Прогулке на хутор» — женщину Герасима. Они и те же события, и даже в сюжетах есть много общего, почему же первый рассказ, на наш взгляд, не получился, не убедил нас и не был воспринят нами как произведение художественное, а второй предстал перед нами как произведение художественное?

Размышления о корнях удач и неудач творческого литератора М. Сергеево — это, в сущности, размышления о корнях удач и неудач многих из нас, советских литераторов, проживавших и в Воронежской и в Москве. Я ясно вижу, как многие из нас идут попеременно по двум литературным дорогам. Первая дорога — верная, вторая — неверная. На первой дороге можно познать настоящее искусство и овладеть им. На второй дороге, по-моему, ни познать его, ни овладеть им невозможно.

Иллюстративность — вот порок, которым ныне грешат не только в Воронеже, но и в Москве, не только молодые и малоизвестные литераторы, но и старые, знаменитые. Разберем оба рассказа Сергеево и докажем, почему первый иллюстративен, то есть идет от задания, от темы к образам, и почему второй художественен, то есть идет от образов, от «изобилия ощущений и опытности», как говорит Гоголь, — к теме.

Приступая к работе над рассказом «Фуряжка», М. Сергеево (это видно непосредственно глазом) поставил перед собой задачу: доказать, что германские солдаты — подневольные люди, тайно симпатизирующие своим братьям по классу, русским солдатам. Благодарнейшая задача, достойная тема: международная солидарность пролетариата, чувство интернационализма. Может ли автор воплотить такую идею? Может и должен, он делает отличное дело.

М. Сергеево — «Дорогой Щорса», Воронежское областное книгоиздательство, 1938.

ло, если... если он пришел к этому не путем абстрактных размышлений, а получив в этой области «изобилие ощущений и опытности», обобщает виденное или изученное. Тогда автор найдет те верные детали, то неповторимое частное, что заставит нас поверить в его образы, в его положения, а следовательно — в его идею.

Итак, поглядим, как со солдатами действуют в рассказе «Фуряжка». Одного зовут Франц, другого — Шверинг. Им поручили тщательно обследовать село, чтобы обнаружить виновников убийства двух фуражиров-австрийцев. Солдаты входят в первый попавшийся дом и, увидев на стене фотографию русского солдата, а также приметившись к хозяйству, сразу же начинают пожимать, что тут жили такие же люди, как они, такие же крестьяне и что так называемые враги — это, в сущности, друзья, братья по классу. Происходит следующий разговор:

«Эй, Шверинг, тебе все всегда ясно?» Шверинг сперва удивляется от ответа, но через две строки проносит осторожное, полупрозрачное предложение, из которого видно, что он тоже все понимает. Затем Франц говорит, что немецкие солдаты пришли на Украину, чтобы грабить ее, и что русские солдаты покинули окопы потому, что им надоело это сныство, то есть империалистическая война.

Идею, что сложная жизнь превращена в дубок. Это схемы солдат, а не солдат. Отсюда и фальшь — художественно неоправданно то, что немецкие солдаты рассуждают так, как рассуждали русские большевики. Невозможно поверить ни в Шверинга, ни в Франца, — если бы они и осознали правду о событиях, то это произошло бы потому, что их привели к этому сознанию преступяющие описанной сцене мысли и чувства. М. Сергеево пожелал проиллюстрировать готовый тезис об интернационализме трудящихся, но так как иллюстративность не есть искусство, то и рассказ его вышел художественным.

В рассказе «Прогулка на хутор» автор успешно спорит сам с собой и столь же успешно побеждает в себе схематика. В первом рассказе М. Сергеево, желая показать интервенцию и разорение, вызванное интервенцией, представил читателю лубочные, стандартные фигуры немецких офицеров, о которых автор знает только то, что они то и дело произносят: «эти грязные свиньи», «что за нечеловеческая страна» и прочее в этом духе. Белость изображения наглядно показала нам, что у автора нет в этой области знаний, что он не мыслит здесь как художник. А в «Прогулке на хутор», где автор шел от опыта жизни, от образов, он хорошо показал именно то, что не получилось у него раньше. Два мальчика, отправившиеся навещать дядьку Герасима, увидели на своем пути немцев. «...я выглядывала из-за отцветающего куста шиповника. Совсем недалеко отсюда проходит прямой широкий шлях из города. Группа всадников шагом едет на нем. Сухопарые гнедые лошади меленно и манерно переставляют тонкие ноги. Всадники не по-нашему, грубо, сидят в седлах, круто согнув, вдетые в высоко поднятые стремена, ноги».

В этих нескольких строках М. Сергеево лучше, ярче показывает интервенцию, чем в двух рассказах, предшествующих «Прогулке на хутор». Вместе с мальчиками мы видим на нашей земле чужих, враждебных ей людей. Приведем еще один пример. Автор дает всего один абзац, но прочитав его, мы получаем полное представление о разоренной интервентами украинской деревне. Немцы подожгли мельницу, около которой их обстреляли. «Вода отошла от прежних крутых берегов к середине, обнажив кое-где печальные, аляуговые влом. Дно. Вместе с мельницей ополз униточилл и деревянные плетные плотины. Теперь горло ставка перегородивали только два поперечные кольями плетневых шита. Вода лениво сочи-

лась между их забитыми травой прутьями». Картина высухающего ставка разительна. О многом думаешь, читая эти строки. — О жестокости интервентов, о страданиях и борьбе украинского народа.

В этом рассказе почти все убедительно, несмотря на то, что немало в нем изынов. Тем более, что изыны эти от неопытности, и это, так сказать, частные изыны. Повествование в одно и то же время ведется и от лица мальчуга и от лица взрослого, при чем этот взрослый — явный литератор, полюбивший, к сожалению, громкоговорение, но пустые, в сущности, слова. Но от начала до конца мы не расстаемся с ощущением, что все рассказанное — правда. С первой же минуты мы видим сложность взаимоотношений двух мальчиков, тайно покидающих хату.

Мальчики вспоминают дядьку Герасима, кузнец. Автор рассказывает только о том, как Герасим однажды вышел навстречу мальчишкам и сказал несколько слов, но так как автор выбрал нужные слова, мы видим перед собой живого Герасима. Это не кузнец вообще (а в прежних рассказах была «немцы вообще» и «красноармейцы вообще»), это кузнец, редко заговаривающий о своем брате Корнее, так как он «не одобряет его пьянства и относится к нему пренебрежительно». Он спрашивает старшего мальчуга о мачехе и хочет пригласить его с ней. Мы получаем представление о некоторых чертах характера Герасима, о его морали, мы начинаем догадываться о линии его жизни. И, несмотря на то, что Герасим почти не участвовал в рассказе, мы ощущаем его смерть (его убивают немцы), как потерю очень близкого нам человека. Нас не удивляет, что старший мальчик не возвращается домой. Он уходит. Куда? Возможно, в партизанам, чтобы мстить за Герасима. Автор говорит об этом скупо, не называя, но мы верим, что так и должно было случиться.

Как-то в одном литературном обществе излагал свои мысли об иллюстрации и художественности. Мне сказали, что я долблюсь в открытую дверь, так как художник всегда идет от образа к теме, что и явное и быть не может. Я позволил себе ответить, что не каждый литератор-художник всегда выступает, как художник. У нас слишком много таких вот иллюстративных сочинений, и грустно, что иногда их пишут те, кто мог бы образовывать читателей настоящим художественным произведением.

«Беспокойная старость», пьеса Л. Рахманова в Государственном Еврейском театре. На сцене: сцена из пьесы. Артист Д. М. Финингер — в роли профессора Полежаева и заслуженный артист республики И. А. Шидло — в роли матроса Бочарова. Фото В. Фабисовича (Сокофот).

Д. ШОСТАКОВИЧ

В музыкальной жизни нашей страны происходят знаменательные события. Совсем еще недавно казалось, что мы богаты только выдающимися молодыми пианистами и скрипачами. На первом же конкурсе советских дирижеров проявили себя новые замечательные мастера, получившие заслуженное признание.

Во всех турах конкурса дирижеров исполнялись советские симфонические произведения. И жюри, и сами участники конкурса легко нашли в советской музыке разнообразнейшие по жанру, характеру и объему полноценные сочинения.

Какой огромный путь пройден от тех еще недавних времен, когда советские композиторы появлялись преимущественно в программах концертов, прерываемых в торжественные даты или специальным смотром.

Второе знаменательное событие — конкурс симфонических дирижеров. Организация такого конкурса стала возможна потому, что у нас уже есть значительное число дирижеров — а так редких исполнительских ансамблей.

Камерная музыка — один из самых сложных видов музыкального творчества. Прежде считалось, что лишь немногие «образные» таланты способны оценить это трудное для восприятия искусство. Теперь это положение полностью опровергнуто.

О большом исполнительском мастерстве советских дирижеров можно судить по необычному факту: все восемь ансамблей, участвовавших на конкурсе, допущены ко второму туру. Должен сказать при этом, что мы — члены жюри — судили их очень строго и требовательно.

Советские музыканты, естественно, стремятся как можно полнее творчески вылить себя. Эта тяга тем сильнее, что аудитория все больше проявляет интерес к глубокому познанию всей музыкальной культуры и в частности камерной музыки. Но наши дирижеры создавали до сих пор статично, по собственному почину их участников.

Этим объясняется то обстоятельство, что некоторые исполнители, обединенные в одном квартете, недостаточно связаны между собой единством артистической культуры. А ведь единство культуры, школы, стиля — едва ли не главное условие для такого тонкого ансамбля. Между тем, что при всем мастерстве и талантах отдельных дирижеров, при всей их сыгранности, мы ощущаем в некоторых квартетах неравное отношение сил, тембовое различие и разные стили исполнения.

Но эти недостатки преодолимы. И наши консерватории правильно поступают, открывая специальные классы квартетной игры. Будущие участники ансамбля приобретут необходимые единство культуры, школы, стиля еще в консерваторской скамье.

Советские камерные композиции пока немногочисленны. Все же их набралось достаточно, чтобы каждый дирижер мог сыграть их в своем репертуаре.

музыкальных идей, заложенных в адagio его сонаты ор. 106, многое воспринял такой своеобразный гений, как Шопен. Верди — композитор с исключительно яркой индивидуальностью — отрицательно относился к Вагнеру, но на разных этапах своего творчества вынужден был признать влияние Вагнера.

Все великие музыканты идеально знали мировую музыкальную литературу. Это знание своеобразно преломлялось в индивидуальности каждого. В плодотворном творческом общении выковывался неповторимый стиль Баха, непохожий на Моцарта, вырабатывался язык Шопена, такой отличный от языка Бетховена.

Наши молодые композиторы, к сожалению, мало знают и свою, отечественную, и европейскую музыкальную культуру. Мне приходилось наблюдать примеры опасного «стигматизма». Дескать, чем меньше будешь знать чужую музыку, тем оригинальнее станешь писать сам.

На прошлогодних экзаменах в Ленинградском консерватории некоторые будущие композиторы сильно отстали от певцов и инструменталистов по знанию музыкальной литературы. Такие композиторы не могли порою ответить, в каких тональностях написаны симфонии Бетховена или Чайковского.

Второй год я веду в консерватории класс практического сочинения и инструментальной работы в стилистических условиях. Большинство моих учеников — люди с бесспорным дарованием. Как правильно обучать композическому искусству? Полагая в день мы с учениками не только «сами сочиняем», но и знакомимся с музыкальными классиками.

Возвращаясь к нынешней музыкальной культуре. В последние годы в Ленинградском консерватории некоторые будущие композиторы сильно отстали от певцов и инструменталистов по знанию музыкальной литературы. Такие композиторы не могли порою ответить, в каких тональностях написаны симфонии Бетховена или Чайковского.

В последний период я много работал над музыкой к кинофильмам: «Возвращение Мухомора», «Волочевские дни», «Великий гражданин», «Друзья», «Выборгская сторона».

Уже давно зреет у меня мысль написать оперу на текст Лермонтовского «Маскарада». Каждый раз, когда я перечитываю это гениальное произведение, мне кажется непонятным, как мимо него до сих пор проходили русские композиторы.

Но я возвращусь за эту оперу не раньше чем напишу симфонию, посвященную памяти В. И. Ленина. Воплотить в искусстве исполнимый образ вождя — невероятно трудная творческая задача. Я хорошо это сознаю. И когда я говорю о сюжете этой симфонии, я разумею не исторические события, не биографические факты, связанные с именем Владимира Ильича, а лишь общую тему, общую идею произведения.

И давно и упорно думаю над тем, как передать эту тему средствами музыки. Симфония задумана мной, как произведение, исполняемое оркестром с участием хора и певцов-солистов. Я тщательно изучил поэзию и литературу, посвященную Владимиру Ильичу. Надо создать текст симфонии, который будет петь. Этот текст главным образом составится из стихов поэмы Мамкочского о Ленине. Кроме того, я хочу использовать лучшие из народных сказок и песен об Ильиче, из стихов, которые сложились о нем поэты братских советских народов. Я отбираю материалы.

Я не боюсь соединить в симфонии прозаические стихи поэтов о Ленине. Внутреннее художественное единство текста заключается прежде всего в том чувстве любви, которым дышит каждое слово народов о Ленине. Литературно-музыкальная целостность должна сохранить и музыка симфонии — единая по замыслу и средствам выражения. Для симфонии будут использованы не только слова народных песен о Ленине, но и их мелодия.

Наша советская музыка, естественно, рождается и развивается из великих идей победившего социализма. Мне в моей работе над Ленинской симфонией огромную помощь приносит книга, ставшая сейчас настольной у каждого советского человека, у каждого советского интеллигента. В истории партии Ленина — Сталина, в истории великих боев и побед марксизма-ленинизма каждый из нас черпает новые силы к борьбе и волю к новым победам, новое творческое вдохновение.

Г. АЛЕХИН

«Неуч»

1 января 1936 года я закончил «Неуча». Читая романа в коммуне прошла настолько удачно, что я на следующий день, без всяких поправок, повес свою рукопись в Дом писателя.

Там меня провели в буфет и познакомили с молодым критиком, который сидел за беленьким столиком и аппетитно улетал горячие сардельки.

На мое приветствие он извратил свою фамилию, созвучную со словом «чурбан», и, улыбаясь крупным, жирным лицом, попросил меня поздравить.

Когда он покочкался с последней сарделькой и встал, я чуть было не приснул со смеха, настолько он походил на сардельку: короткий, круглый, упитанный, румяный; голова — что грудь, ноги — что животики; какой-то обрубок.

Завесив пухлой ручкой рукопись, критик обещал прочитать ее через шесть дней, пригласил меня сыграть с ним в шахматы или в бильярд.

Поблагодарив его за приглашение, я распрощался. Через шесть дней он не прочитал «Неуча», но извинился и, сославшись на двадцать две общественные нагрузки, просил зайти через пятнадцать.

Спустя пять дней, он, улачно зогнв на моих глазах крупный шар в лузу, обещал прочитать мой роман через четыре дня.

Спустя и этот срок, мой критик, занятый в шахматном турнире, поклялся дать отзыв через три дня.

Затем — через два дня. Потом — через день. И наконец, увидев, что от меня не избавят, достал при мне из стола мою рукопись и сказал:

— Подождите здесь, я пойду дочитаю, я скоро!
— Когда-то у нас транспорт был узким местом: поезда могли опаздывать на сутки. Дождись критика, я невольно припомнил сонное, тугое вокзальное время.
— Промло три часа. Нет Сардельки!
— Только спустя четыре часа, он влетел в комнату и сердито бросил мою рукопись на стул:

— Не искусство, а логистика!
— Почему?
— Потому что много рассуждений.
— Это присутствие философскому роману.
— Которого и в природе не существует!
Я не собирался придти в ярьсть, однако подобная глупость меня возмущала:
— Отрицать все проше всего! Но, к счастью, наш мир — это не мыльный пузырь: скорее вы лопнете от натуры, чем исчезнут такие философско-художественные произведения, как «Фауст» или «Кандид»!
— А почему они философские? — воскликнул Сарделька.
— Потому что в основе их лежат философские идеи.

— Ну, а какая философия «Неуча»?
— Все растет за счет борьбы!
— Я не верю, я не верю, чтобы за два года ваш герой так быстро развился за счет борьбы!
— Борьба борьбе рознь. Дело в том, с кем пойдешь: в борьбе за старое, гнилое сам сгниешь, лишь в бою за новое, могучее станешь могучим. Наша борьба таит еще не такие чудеса!
— Это так! Но разве можно великую идею борьбы показать на материале рабочего быта?

— Можно и должно. Борьба — закон, а закон — не слон: всюду водится.
— Вульгаризация! Вы даже в любви открываете антагонизм.
— Во-первых, не антагонизм, а противоречие. Это не одно и то же.
— Неважно! Суть в том, что вы, прежде чем показать диалектику борьбы на рабочем, серьезном материале борьбы на заво-

де, начинаете искать диалектику в любой фразе.

— Правильно! Ленин так и говорит: начать с самого простого, обычного, массового — с любого предложения. Например, Ильич в предложении «Ильича есть собака» вскрывает зачатки в с е х элементов диалектики: отдельное и общее, тождество и противоположность, часть и целое, сущность и явление, связь и переход, случайность и необходимость и т. д. «Таким образом», — заключает Ленин, — «любое предложение можно (и должно) как в «ачейке» («клеточке»), вскрыть зачатки в с е х элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика». Я Ленина немножко знаю!

— Я тоже знаю! Еще Гегель, еще Гегель сказал: «Все может служить примером для диалектики». Но это — наука. Искусство же показывает законы только в характерном. А ваш стахановец, прочитавший своего Ленина, — единичное! А единичное в искусстве недостойно даже внимания!

— Вот как! У нас на планете больше полсотни государств, и только одно из них социалистическое: по-вашему, оно недостойно даже внимания?
Мой критик, как переваренная сарделька, лопнул:
— Да какое отношение имеет чтение Ленина к государству?

— А вот какое: сегодня стахановец управляет станком, завтра заводом, а потом, возможно, и государством.
— Ха-ха-ха! — забубукал Сарделька. — Вам, товарищи, не романы, а сказки сочинять!

— У нас сказки стали былью. К тому же яная сказка поучительнее романа.
— Нет, нет! Ваша книга тоже поучительна: она учит, как жить, работать, учиться, любить, отдыхать; это, можно сказать, полная энциклопедия для молодежи, только, к сожалению, непригодная для руководства. Если, согласно вашим правилам, молодой человек начнет бороться за коммунизм на производстве, в школе, в клубе, до-

ма — везде и всюду, то, правду сказать, что же от него останется?

— А вы посмотрите на меня.
— Но не все же так такие здоровые!
— Правильно, Островский, например, совсем большой, однако он путем борьбы достиг большего, чем я.
— Но не все же такие больные!
— Ах да! Я совсем забыл, что есть люди, которые ни то ни ся: ни рыба ни мясо; ни богу свеча, ни чорту кочерга!
— Знайте меру! — завопил Сарделька. — Кстати, язык вашего романа тоже не является: слишком много словослия. Так и живые не говорят. Ни один культурный человек...

— ...не скажет подобной глупости!
— Но, но! — подпрыгнул Сарделька. — Вы держитесь не так, как подобает начинающему писателю!
— А вы бы поведали вот сюда... правила поведения: «Глушатам внимания!», «Критику не возражай!».

— Довольно! — Сарделька схватил мою рукопись и бросил мне. — Книжку в попку, все равно света не увидит!
«Нет, глупая сарделька, скорее ты пойдешь в аму» — думал я, мчась прямым рейсом из Дома писателя в издательство.

Там мне подсчастливилось познакомиться с одним поэтом, который настолько заинтересовался «Неучем», что попросил меня дать ему почитать на вечер, а потом уже передать роман в кабинет начинающего автора.

Не теряя надежды и в литературе найти толку Мишу, я охотно вручил ему рукопись.
Поэт стержал свое слово и на следующий день прочитал «Неуча», но, к сожалению, он оказался не дядей Мишей. Пугливо остротрившись по сторонам длинного коридора, где помещались различные издательства, он тихо сказал:
— Ваша книга слишком своеобразна, необычна, поэтому трудно заранее сказать, как встретит ее читатель, а посему поверьте мне, ни одно издательство не ри-

скнет напечатать ваш роман. В лучшем случае предложат переиздать, и если вы не подумаете его под стандарт, найдут тысячи предлогов, чтобы похоронить вашего «Неуча». А жаль, в нем много динамики!

— Неужели и в литературе есть могилищники!
Слав рукопись я кабинет начинающего автора, я поехал домой, мечтаю скорее закончить двадцать девятый том Ленина.

В ленинские дни по инициативе дяди Миши я выступил в нашем клубе с отчетным докладом «Что дало мне изучение полного собрания Ленина».

После краткой вступительной речи, посвященной памяти Ленина, дядя Миша предоставил слово мне.
— Товарищи, — начал я уверенно, — чтоб ответить на вопрос: что дало мне чтение Ленина? — совсем не обязательно читать полное собрание Ленина. Вот пример. Присел как-то в литературный кружок записаться старик, коцегар нашего завода, а я и говорю ему в шутку: «Не запишусь, Пахом, ух больно собой». — «Что ты, — говорит, — я тебе ровесник. Я, видишь ли, начал жить с 1910-го года, а ты был пономем». — «Конец?» — «Да, браток, я с с малых лет у барыни козем работал; не понимал, что к чему, а вот в 1910-м году прочитал одну чудотворную книгу — цело верное ста!».

— «Что же ты прочитал, — спрашиваю Пахома. — Библию?» — «Да, браток, библию. Только эта библия маленького формата и прозывается: «К деревенской белоте» — Ленина».

— Ай да Пахом! — крикнул отец Иван.
И все стали приветствовать коцегара, сиевшего в конце зала.
Когда смолкли аллодисменты, я снова обратился к аудитории:
— Если одна книга Ильича сделала Пахома человеком, то представьте себе, что дало мне полное собрание Ленина! Уже пер-

вый том принес мне первый успех и научил бороться в жизни. Без Ленина я, возможно, пошел бы по стопам дедов, — сейчас сидел бы в пивной, а не выступал перед вами. Раньше меня, левча, не принимали ни в одно учебное заведение, теперь же я студент философского отделения университета. Раньше не мог составить заявления, теперь написал роман.

Гул одобрения, как девятый вал, обдал меня с головы до ног. Я рванулся вперед и показал рукой на портрет Ленина:

— Читая великие творения Ильича, я изучал политэкономии, историю классовых борьбы в России и на Западе, штудировал историю партии и все могучие вопросы ленинизма: об империализме, революции, государстве, социализме. И, наконец, читая Ленина, я усвоил его взгляд на искусство и пропел полный курс марксистско-ленинской философии.

Опыт колыхнулся море голов. Опираясь на кафедру, словно на выступ скалы, я со спены, как с берега, еще шире размахнулся и бросил:
— Ленин велик, как океан! Он дал мне не только огромный запас фактических знаний, мировоззрение, метод, но и научил меня жить — бороться за коммунизм. Он учил, что государство, армия, школа, семья, завод, политика, наука, философия, искусство — все это орудия борьбы за коммунизм. Он учил, что жизнью движет не судьба, а борьба! Ленинская жизнь — это яркий пример непрерывной борьбы за коммунизм. Владимир Ильич до последней минуты своей жизни не покинул боя! Он всегда бодит нашим учителем. Великие люди бессмертны. Они с каждым годом все выше и выше поднимаются по ступеням истории. Но выше всех поднимется тот, кто взошел на самый высокий пьедестал мира — Дворец Советов!

20 ноября 1901 г. А. М. Горький выужден был, по предписанию губернатора, покинуть Нижний-Новгород. За несколько месяцев перед этим он был арестован и заключен в тюрьму по обвинению в том, что вместе со Скитальцем приобрел мимеограф для печатания «преступных» воззваний к сорванным рабочим в видах подстрекательства их к беспорядкам. По состоянию здоровья Горький был освобожден и выслан в Арзамас «под домашний арест». В октябре, ввиду возобновившегося туберкулеза, Горькому разрешено было поселиться в Крму, в Ялтинском уезде, но без права жить в самой Ялте.

В день отъезда писателя из Нижнего нежегородцы устроили ему торжественные проводы. Революционно настроенная молодежь выпустила прокламации, которые разбрасывали на вокзале. «Мы собрались», — говорилось в одной прокламации, — провозгласить здесь знаменитого, любимого писателя Максима Горького, выразить свое крайнее негодование по поводу того, что его выслают из родного города. Выслают его только за то, что он говорил правду и указывал на непоправимую русскую правду. Мы выражаем свое негодование по поводу того, что у нас в России запрещают говорить правду, запрещают говорить, что народу живется у нас плохо... У нас преследуют писателей, которые говорят правду и обличают начальство. Мы хотим и будем бороться против таких порядков... Говорите всем и каждому, что все больше и больше растет число людей, готовых бороться с неправдой...»

На проводы Горького на вокзал в Нижнем собралось, как писали нижегородские жандармы, «значительное количество людей... причем в числе провожающих были замечены также врачи, присяжные поверенные, сотрудники газет, а равно воспитанники как местных средних, так и иногородних высших учебных заведений, а также женщины, повидному курящиеся. Несмотря на предупреждение жандармов офицера, толпа эта, человек в 50, устроила Пешкову шумную овацию сначала в зале 1-го класса, а потом на платформе, с пением песен, криками «ура» и произношением речей... После прощальной песни в толпе раздался возглас: «Ура, Горький — певец свободы, сосланный без суда и следствия!»

Весть о высказке Горького быстро облетела все города... Студенчество Москвы приготовилось достойно встретить любимого писателя. Но приготовился к этой встрече и московский обер-полицеймейстер Трепов. За три версты до Москвы Горький был высажен из поезда и уведомлен, что «за отсутствием разрешения, дающего ему право на пребывание в Москве, он в пределы столицы допущен быть не может и должен, не оставившись здесь, следовать дальше». Отдельный вагон, прицепленный к товарному поезду, доставил Горького в Подольск.

1854 г.

Друг Пушкина

18 ноября 1854 г. умер Павел Воинович Нащокин, один из ближайших друзей А. С. Пушкина, горячо его любивший. Человек оригинальный и даровитый, но серьезно ничем не занимавшийся, Нащокин жил в Москве в совершенной праздности. Пушкин любил своего беспутного друга за его доброту, «живость и остроту характера», ценил его колоритные рассказы и настойчиво советовал ему писать воспоминания. Нащокин писал только начало воспоминаний, которые Пушкин выправил, собрав их печатать в «Современнике». Рассказы Нащокина о Пушкине, записанные в 1851 г. П. И. Вартеневым (они полностью были опубликованы только в 1925 г. М. А. Цыбовским), дают ценный материал для биографии поэта и отличаются большой точностью.

СТО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ «ПРОСТОЙ ДЕВУШКИ»

Письмо из Ленинграда

Ленинградский Театр комедии часто упрекают в том, что он охотнее работает над классическими репертуаром, чем над советскими пьесами, и что советская комедия не занимает в театре того места, которое она должна бы занимать. В этом упреке есть доля правды. Действительно, классическая комедия занимает в репертуаре театра преобладающее место. За последние годы театр поставил «Собаку на сене» Лопе де Вега, «Школу злобных» Шеридана, «Замужнюю невесту» Шавковского и Гриволева, «Двенадцатую ночь» Шекспира. Театр охотно ставит лучшие современные западноевропейские комедии — «Мое преступление» Вернейля, «В понедедельник в 8» Фербера и Кауфмана. Советскую комедию в репертуаре театра представляют лишь «Весенний смех» и «Простая девушка» В. Шваркина.

Однако, упрекая театр в том, что советских пьес мало в его репертуаре, необходимо учитывать одно весьма существенное обстоятельство — общее состояние комедийного жанра нашей драматургии, которое никак нельзя признать удовлетворительным. Театр вряд ли делает ошибку, когда предпочитает ставить хорошие классические комедии вместо того, чтобы показывать зрителю плохие комедии лишь потому, что они написаны советскими драматургами. Вискаятельная от-

ношение театра к своему репертуару может вызвать лишь сочувствие. Говоря о том, что театр охотнее работает над классическими комедиями, чем над комедиями советскими, необходимо разобраться также и в том, как работает театр над этими последними. Свойственно ли театру равнодушие и невнимательное отношение к советской комедии?

Нам довелось не так давно присутствовать в Театре комедии на сотов представлении «Простой девушки» В. Шваркина. Впервые поставленная в феврале 1938 г., комедия Шваркина в начале ноября была показана уже в сотый раз.

Нет нужды подробно анализировать достоинства и недостатки «Простой девушки». Известно, что эта комедия Шваркина, не всегда беспорядная в смысле художественного вкуса и такта, в целом написана очень весело и остроумно. Этими достоинствами пьеса обязана прежде всего своей главной ситуации, которая найдена драматургом и действительно удачна.

Люди решили ненадолго притвориться хорошими, но оказалось, что быть хорошими совсем не так уж плохо. Комедия Шваркина проникнута добрым и теплым отношением к советским людям, верой в то, что даже самые незаметные из них могут провозгласить свои житейские пороки и стать полезными членами общества.

Чествование О. Форш в Ленинградском союзе писателей

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Интересно и оживленно прошло чествование Ольги Форш в Ленинградском союзе советских писателей.

— В жизни больших мастеров искусства, — сказал Ник. Тихонов, открывая юбилейный вечер в Доме им. Маяковского, — бывают особо памятные дни, когда хочется сразу окинуть взглядом все его труды, вспомнить их во всех подробностях, пережить их заново, принести великому мастеру благодарность за принесенное им в жизнь новое богатство — новое слово, новое ощущение мира...

Поблагодарить Ольгу Форш собрались в писательском клубе не только товарищи по литературной работе, но и читатели — представители заводов и вузов, художники, артисты, композиторы... И вслед за теплыми речами И. Груздева и А. Фадеева, приветствовавшего юбиляра от имени правления ССП СССР, встел за обстоятельным докладом Н. Коварского хорошие, искренние слова приветствия любимому писателю проносили представители рабочих и советского интеллигентии Кировского завода, комбината «Красный треугольник». Ольгу Форш приветствовали делегация Государственного академического театра драмы им. Пушкина, Большого драматического театра им. М. Горького, орденской инновации Ленфильм, союза художников, Академии художеств, Пушкинского общества, библиотеки, писательских организаций, издательства, редакций журналов.

Яркую речь произнес Юрий Тынянов, выступивший от имени редакционной группы «Литературный современник». Поздравляя Ольгу Форш с тридцатилетием творческой работы, он говорил о писательской молодости юбиляра, прекрасной молодости советского писателя.

Как современника нашей юности, приветствовал Ольгу Форш от имени студенче-

Первый шевченковский вечер в Московском клубе писателей

Через три с половиной месяца Советский Союз будет праздновать 125-летие со дня рождения великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко. Везде идет подготовка к этому всенародному празднику культуры: печатаются юбилейные издания, в периодической печати появляются новые переводы Шевченко, устраиваются вечера, выставки.

Первый шевченковский вечер в Московском клубе писателей состоялся 16 ноября. На вечере выступил украинский поэт Максим Рыльский.

— Всесоюзное празднование 125-летия со дня рождения великого сына украинского народа, — сказал во вступительном слове М. Рыльский, — явится новым доказательством сталинской дружбы, связывающей народы советской страны. Вопреки стараниям буржуазных националистов — врагов народа унизить значение бессмертной поэзии Шевченко, великий поэт займет на кончик принадлежало ему по праву место в ряду гениальных народных поэтов — Русавели, Пушкина, Некрасова.

Подвергнув критике старые переводы Шевченко, из которых даже самые удачные не могут быть признаны полноценными, М. Рыльский подчеркнул громадное политическое значение работы над переводами произведений Шевченко, которой заняты сейчас лучшие русские поэты. Эта работа дала им возможность глубже ощутить все богатство поэзии Шевченко.

— Если с помощью русских поэтов творчество Шевченко к дню юбилея станет достоянием самых широких масс, это будет новым доказательством тесной творческой связи украинцев и русских поэтов.

После М. Рыльского с интересным докладом о переводах Шевченко выступил К. Чуковский — редактор одноименного произведения великого поэта, выпускаемого Детиздатом ЦВ ВЛКСМ.

К. Чуковский иллюстрировал многочисленные примерами свою критику старых переводов Шевченко.

Во-вторых, это происходило потому, что режиссер не захотел вступить на тот путь буффони и аттракциона, по которому пошли многие актеры московского Театра сатиры, играющие в пьесе Шваркина. Режиссер предпочел усилить лирическую интонацию, улавливаемую в пьесе и с неожиданной силой звучащую в спектакле.

Зритель Театра сатиры, ежесекундно вынуждаемый к острой комедийной реакции, в коротких промежутках между приступами хохота просто не успевае заметить, что в пьесе Шваркина есть эта лирическая интонация, есть эта, по существу говоря, очень значительная и серьезная тема рождения хороших советских людей.

Советский зритель знает режиссера спектакля Эраста Гарина как актера, обладающего чрезвычайной ярким и своеобразным дарованием. В ближайшее время на экранах Советского Союза появится фильм «На границе», в котором Гарин играет роль диверсанта Волкова, прорывающегося на нашу территорию для того, чтобы взорвать мосты и убивать честных советских людей. Роль Волкова не очень велика, но Гарин играет ее с такой выразительной силой и с такой тонкостью глубокого и беспощадного разоблачения вражеской психологии, что зритель проникается гневным чувством острого презрения к врагу и злобно запоминает холодный, злобный взгляд врага, его фальшивые, лицемерные слезы, его вялые и уже мертвые руки.

Спектакль «Простая девушка» познакомил нас с Гарниным — театральным режиссером. Первая режиссерская работа Гарина в Театре комедии показывает, что мы имеем дело с самостоятельным и зрелым мастером, обладающим острым чувством театра, прекрасно работающим с актерами, одаренным остроумной и яркой изобразительностью.

В спектакле «Простая девушка» очень много интересных и своеобразных режис-

ства Ленинградского государственного университета т. Этгин.

С глубоким вниманием было выслушано взволнованное выступление Ольги Форш. — Мы, советские писатели, — сказала она, — находимся в исключительно счастливых условиях для нашей работы. Нашими современниками оказались совсем новые люди, свежие чувства, освобожденные от рабства капитализма, который, как мы видим сейчас на живом примере фашистских стран, вырождается в самое гнусное варварство.

— Только в нашей стране, в эпоху Ленина—Сталина, женщина освобождается от всех видов порабощения. На наших глазах ее творческая энергия, долгие века лежавшая под спудом, вырастает в яркую волевою устремленность человека, который знает, чего он хочет, для чего работает. Яркий пример мужества, инициативы, доблести женщины дает нам поэт наших народных героинь — женщина «Родина».

— Припомню горячую благодарность нашей партии и правительству за их большую заботу о писателе. Эта забота обеспечила нам такие благоприятные условия, которые обеспечивают в полной мере творческую энергию писателя.

— Благодарю и нашего советского читателя, который является лучшим возбудителем этой энергии. Вель этот читатель уже не представляет бездельной пассивной массы, а каждый является творцом в своей профессии. Наши читатели: стахановцы, красноармейцы, летчики, моряки, колхозники, оказавшиеся героями труда, героини обороны. Быть понятым и нужным такому читателю, стать писателем всенародным — мечта каждого из нас. Мою новую книгу, где будет собран весь опыт моей жизни в области искусства, наблюдения и мысли, я хочу назвать лучше, чем все, что было мною до сих пор написано.

Шевченко переводили многие русские поэты — от Мея до Солугуба, но никто из них не дал ни одного перевода, достойного подлинника. Безграничные возможности русского языка. Ни хуже, а иногда и лучше подлинника воспроизводились поэты в русском переводе Верлен, Рембо, Веракше и даже Брюнтинг. Почему же Шевченко преподносится русскому читателю в переводах обескураженным, анонимным, обезличенным? Потому, что переводчик, стремясь ослабить революционные тенденции Шевченко, приглушить его революционный пафос, прибегает к фальсификации не только стиля, художественных образов и словаря великого поэта, но и к фальсификации его идей.

К. Чуковский считает, что советским поэтам блистательно удалось то, что не удавалось старым переводчикам, которым был чужд поэт-революционер, поэт-трибун, звавший народ на борьбу с самодержавием, на борьбу за свою национальную свободу. Творчество Шевченко органически близко советским поэтам.

— Я уверен, — говорит К. Чуковский, — что Шевченко был бы вполне удовлетворен переводами его стихов, сделанными М. Исаковским, Н. Асеевым, Е. Благиной, А. Твардовским.

Выступления поэтов, читавших свои переводы из Шевченко, открыл Н. Асеев. Он начал с упрека по адресу Детиздата в том, что издательство плохо работает с авторами переводов. Н. Асеев продемонстрировал перед собравшимися свою рукопись, испещренную пометками и указаниями редакция одноготонника, и сообщил, что восемьдесят пять процентов этих указаний было им принято. Вместе с тем, Н. Асеев протестовал против необоснованных замечаний и наездов редакторских выводов поэту.

Кроме Н. Асеева прочли свои переводы Е. Благина, М. Х. Голодный, Л. Динчат, В. Зяглицева, В. Инбер, М. Исаковский, Л. Невьковский, А. Сурков, А. Твардовский и А. Безыменский.

К 125-летию со дня рождения Ф. Ахундова

К 125-летию со дня рождения Ф. Ахундова

Приближается 125-летие со дня рождения великого азербайджанского просветителя и драматурга Мирзы Фатали Ахундова.

Недавно президиум ССП заслушал сообщение т. Рафили о подготовительной работе, которую проводит союз советских писателей Азербайджана к юбилею Ахундова.

Решено просить правление союза советских писателей Азербайджана выделить для послыки в Ленинград, Москву и в союзные республики группу докладчиков, которые прочтут ряд лекций о творчестве и жизни Ахундова, а также дадут статьи для центральных журналов и газет.

Президиум союза советских писателей обратился к азербайджанскому филиалу Академии наук с просьбой прислать все произведения Ахундова, имеющиеся в русских переводах, для опубликования в журналах и газетах.

Вечер еврейских писателей

В связи с подготовкой к юбилею великого еврейского писателя Шолом-Алейхема в Москву приехали еврейские советские писатели Украины и Белоруссии: В. Аксельрод, Д. Гофштейн, А. Губерман, И. Кипнис, Ноте Лурье, Г. Орланд, Г. Поланкер, Ф. Сито и И. Фейер.

На предыдущих встречах советские еврейские писатели Москвы, Украины и Белоруссии совместно обсуждали очередные задачи еврейской советской литературы и намечали мероприятия, которые должны способствовать более тесному творческому общению между писателями братских республик. Еврейские поэты и прозаики Украины и Белоруссии единодушно приветствовали издание нового еврейского художественно-литературного журнала «Родина», который начнет выходить в Москве с января 1939 г. и обещали свое активное участие.

14 ноября в Московском клубе писателей состоялся вечер еврейских советских писателей Украины и Белоруссии в московском читальном зале.

Гостей горячо приветствовали в своих вступительных речах т. П. Маршак и Д. Бергelson. Они говорили о росте советской литературы и об огромных задачах, стоящих перед ней. В течение вечера в еврейской литературе орудовали агенты фашизма, буржуазные националисты и троцкистско-бухаринские шпионы, которые нанесли громадный вред советской еврейской литературе, стараясь посеять вражду и групповщину. Но это врагам народа не удалось. Советские писатели едины, они проникнуты одной общей задачей — служением социалистической родине.

Т. Маршак и Бергelson в кратких чертах охарактеризовали творчество присутствовавших на вечере писателей Украины и Белоруссии. Гости выступили с чтением новых произведений, которые были очень тепло встречены собравшейся аудиторией.

Открытие клуба писателей в Киеве

14 ноября в Киеве открылся клуб писателей. В гости к писателям пришли художники, композиторы, режиссеры, артисты. Среди гостей — народная артистка СССР Литвиненко-Вольгемут, лауреат международного конкурса пианистов в Варшаве Лифер, заслуженный деятель искусств Шумский, заслуженные артисты республики Бузма, Гришко и Юриш. В помещении клуба открыта большая выставка произведений украинских художников. На выставке широко представлены живопись, скульптура, графика.

Первый клубный вечер открыл поэт М. Бажан, прочитавший свои новые «Убейкистские стихи». Артист Бузма прочел отрывок из пьесы С. Головановского «Поэта доля», артист Шумский — отрывок из пьесы Александра Корнейчука «Богдан Хмельницкий». Выступили также Литвиненко-Вольгемут, Гришко, Лифер.

В плане работ клуба много интересных встреч. В частности, намечена встреча писателей с героическими участниками боев у озера Хасан.

В ближайшее время в клубе будет проведен вечер переводов Тараса Шевченко на языки братских республик.

В городе Пушкина (Ленинградская область) открылся Дом творчества ленинградских писателей. На снимке: В час досуга (слева направо) — профессор-литературовед В. М. Жирмунский, писатель И. А. Груздев, М. Л. Слонимский и В. С. Мичурин (жена писателя) за шахматным столом.

Декада советской музыки

Концерты декады советской музыки привлекают широкое общественное внимание. На открытии в Большом зале Консерватории дирижер-лауреат Евгений Мравинский исполнил 5-ю симфонию Д. Шостаковича и новую симфонию Е. Голубева (№ 2). С фортепианным концертом А. Хачатуряна выступил пианист Лев Оборин.

В программе концерта 16 ноября большой успех заслужила опера Д. Кабалевского «Мастер из Клязьмы», исполненная в крупных оркестровых и вокальных фрагментах. Оперой дирижировал Б. Э. Хавкин.

Из цикла концертов, состоявшихся 16 ноября, живой интерес вызвал камерный вечер струнных квартетов. В программе этого вечера стояли имена крупнейших советских композиторов: Прокофьева, Шостаковича, Масковского. Особенно горячий прием встретил новый квартет Д. Шостаковича, блестяще исполненный квартетным ансамблем им. Бетховена.

В концертных залах Фалармонки за первые дни декады состоялись также вечера советских песен (Краснознаменного ансамбля Красноармейской пьески и песни, Иры Юзасова, А. Окамова, С. Хромченко, О. Благовидовой).

В ближайшие дни на концертах декады будут исполнены новые крупные симфонические произведения: «Поэма о Сталине» А. Хачатуряна и симфония В. Мурадела, посвященная Кирову.

Сегодня в Большом зале Консерватории состоится симфонический концерт под управлением дирижера-лауреата Натана Гурлиха (Киев). В программе — произведения украинских композиторов Ревуцкого и Косенко и скрипичный концерт молодого композитора, студента Ленинградского консерватории — И. Финкельштейна (исполняется впервые).

Памяти М. С. Щепкина

Выставка в Малом театре

17 ноября вечером в фойе Малого театра открылась выставка, посвященная М. С. Щепкину.

На этой выставке собраны весьма разнообразные историко-театральные экспонаты, относящиеся к жизни и творчеству великого русского актера. Внимание посетителей привлекают афиши спектаклей, в которых Щепкин начал свою сценическую карьеру в тридцатых годах. Здесь же мы находим фотографический документ об определении Щепкина в Малый театр.

Среди выставленных оригиналов пьес, в которых играл М. С. Щепкин, мы находим экземпляр драмы Мессинджера «Новый способ платить долги», которую перевел для Щепкина Герцен, Грановский и Юриш. Особый интерес представляют театральные экземпляры «Ревизора» (1836 г.), мольбертовых пьес — «Тартюфа», названного русским переводчиком «Фарсес», и «Лекарка поговеле», а также список отрывка из первого действия «Горе от ума», по которому Щепкин впервые сыграл Фамусова 31 января 1830 г.

Друзья великого русского актера с писателями-современниками достаточно широко отражены в разделе выставки «Щепкин и его окружение». Здесь мы находим портреты Пушкина, Гоголя, Гриволева, Шевченко, Тургенева, Герцена, Огарева, Аксакова, Островского.

Литфонд СССР известает, что Дом творчества в Ялте будет открыт до 15 января 1939 г.

Писатели, желающие получить комнаты в этом доме на декабрь месяц, должны срочно подать заявления в Литфонд СССР.

Справки по телефону К-049-18.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЯТИНСКАЯ.

Государственное Издательство «Художественная литература» при СНК РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1939 год на литературно-художественные журналы:

Table with columns: Название журналов, Периодичность в год, Подписная цена (1 год, 6 мес, 3 мес), Цена отдельного номера. Lists journals like 'Знания', 'Международная литература', 'La Littérature Internationale', etc.

Подписка принимается повсеместно «Союзпечатью», почтой и почтальонами.

Скончалась сказительница М. М. Хотева

ПЕТРОВАДСК. (ТАСС). Вчера скончалась известная карельская сказительница М. М. Хотева. Марья Максимовна родилась и жила в селе Ухта, на родине «Калевалы». В своих сказах, рунгах и песнях Хотева ярко отображает тяжелую жизнь народа при паризме, счастливую и радостную жизнь при советской власти. Она сложила замечательный сказ о Ленине, о товарище Ворошилове, о Тойве Антикайне, о Сталинском Конституции. Замечательные песни пела она о товарище Сталине, Красной армии, счастливом народе советской страны. Труды сказительницы напечатаны в сборнике, альманахе, и часть сказов издается отдельной брошюрой. Много места отводится творчеству Хотева в сборнике «Творчество народов Карелии», который подготавливается сейчас к выпуску.

Книга о классиках

Издательство «Советский писатель» в ближайшие дни выпускает книгу В. Кирпотина «Классики». В книгу вошли следующие работы Кирпотина: «Пушкин — национальный русский гений», «Наследие Пушкина и коммунизм», «Некрасов», «Некрасов — поэт революционной крестьянской демократии», «Роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского», «Добролюбов — поэт», «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина», «Салтыков-Щедрин в шестидесятых годах», «Господа танценты Салтыкова-Щедрина», «Отечественных записок», «Горький — великий художник пролетариата».

«Новины»

М. С. Крюковой

Гослитиздат выпускает сборник сказаний Марфы Семеновны Крюковой — «Новины». В этот сборник, кроме сказаний, уже известных советскому читателю («Сказание о Ленине», «Сказание о Чаплевне» и др.), вошел ряд новин, последние известной сказительницей в самое последнее время. В наиболее выдающихся новинах в сборнике относятся «На родине вождя», «Клим да свет Ефремович», «Не один славный богатырь во советской земле» (о героическом подвиге папанинцев) и др.

Календарь клуба писателей

Сегодня — второй декадный секции детской литературы И. Раханов прочтет свои спортивные очерки, Я. Таич читает новые рассказы. На декадне выступит также находящийся в Москве украинский писатель Л. Кипнис.

22-го — декадный секции переводчиков. Б. Турганов читает перевод поэмы Т. Шевченко «Гайдамаки».

23-го — второй юбилейный день. Вся программа будет посвящена украинской литературе и искусству. В гостях у московских писателей в этот день будут поэт И. Г. Тынянов, который прочтет стихи из книги «Чувство семьи единой», А. В. Корнейчук (отрывки из пьесы «Богдан Хмельницкий»), народная артистка СССР орденской М. И. Литвиненко-Вольгемут, заслуженная артистка УССР О. А. Петрусенко, которые исполнят произведения украинских композиторов, заслуженный артист УССР композитор орденской В. Я. Юриш. В верхних гостиницах клуба — выставка картин украинских художников В. Г. Ярченко, А. А. Цювченко и Н. П. Глушенко.

25-го — декадный секции поэтов. Назначенный на сегодня в клубе вечер, посвященный 30-летию литературной деятельности О. Д. Форш, отменяется в связи с болезнью писательницы.

Известия

22 ноября в московском Институте истории, философии и литературы состоится научное заседание, посвященное 120-летию со дня рождения И. С. Тургенева. Заседание заслушает доклад профессора А. Влодина — «Знаменитый русский писатель», профессора Г. Винокура — «Тургенев как стилист», доктора А. Велкина — «Тургенев и натуральная школа» и профессора Г. Поспелова — «Реализм Тургенева».

Литфонд СССР известает, что Дом творчества в Ялте будет открыт до 15 января 1939 г.

Писатели, желающие получить комнаты в этом доме на декабрь месяц, должны срочно подать заявления в Литфонд СССР.

Справки по телефону К-049-18.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЯТИНСКАЯ.